

ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

ISSN 0023-219X

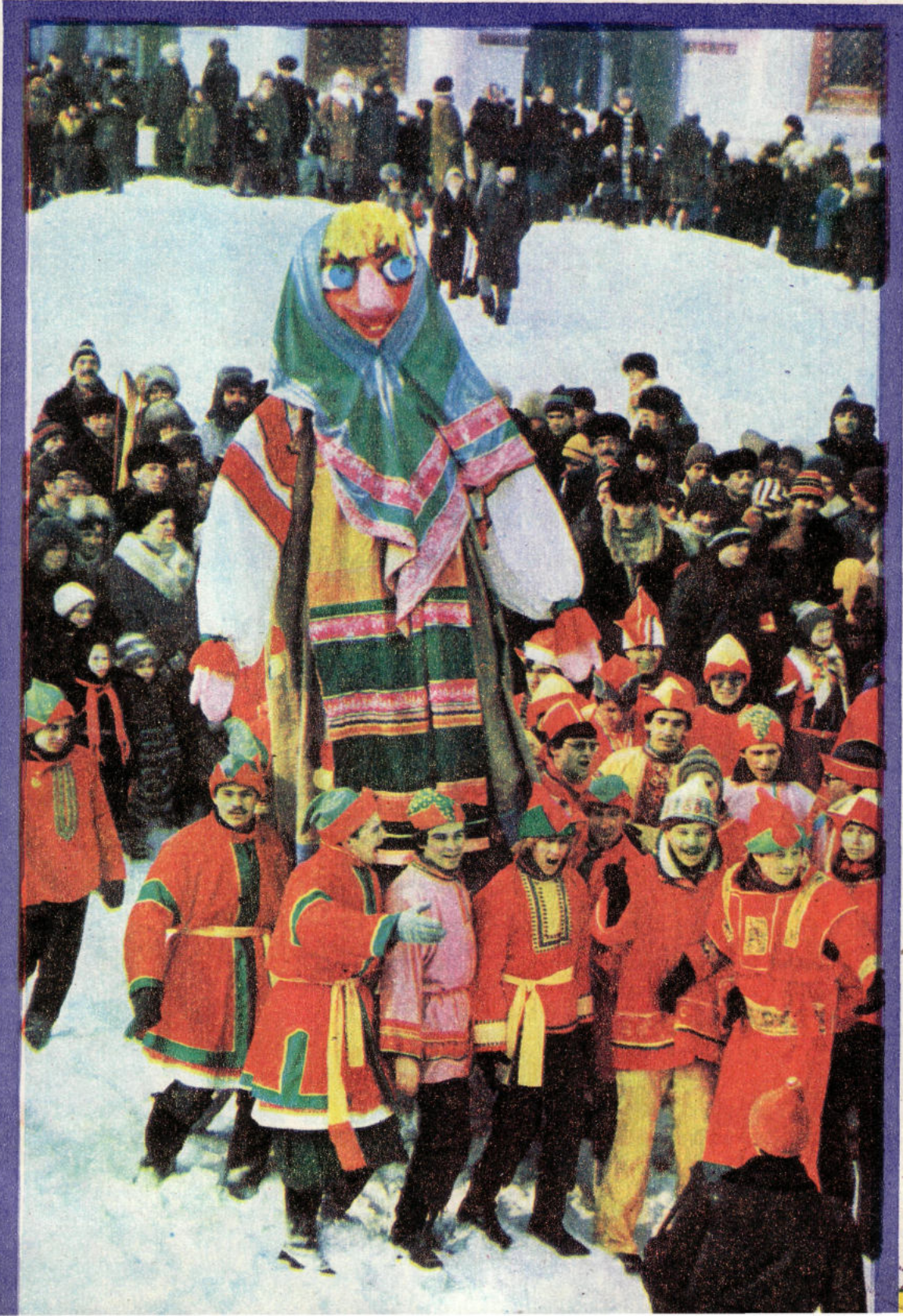
1201

КЛУБ

1-1988
ЯНВАРЬ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

народный праздник —

чудесник, проказник!

ИОТ
1988

Клуб

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественно-политический и научно-методический журнал ВЦСПС и Министерства культуры СССР

1 (727)
ЯНВАРЬ
1988

Год издания
тридцать седьмой
Выходит
два раза в месяц

И. о. главного редактора
К. И. Аксанов

Редакционная коллегия:

А. И. Касков,
В. Н. Костецкий,
В. В. Кочетков,
О. Я. Ремез,
В. С. Сергутин,
Ж. Ж. Смелова,
В. В. Сухорадо,
Л. Н. Тютиков,
Р. В. Уваров,
Г. И. Щербина,
зам. главного редактора

Номер вела заместитель
ответственного секретаря
С. В. Пацуква

Главный художник
А. Н. Жилин

Художественный редактор
Е. А. Якубович

Технический редактор
Л. М. Литвиненко

Корректоры:
Т. А. Дунцева,
С. И. Калинина,
Г. А. Попова

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательство ВЦСПС
Профиздат

Вкладные пластинки номера
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия».

Адрес редакции:
117630, Москва,
Старокалужское шоссе, 1.
Телефон 128-83-29

Сдано в набор 11.11.87. Подписано в печать 02.12.87.
А-14505. Формат 60x90¹/₈. Печать глубокая. Усл.
печ. л. 4. Уч.-изд. л. 7,03. Усл. кр.-отт. 18. Тираж
89 440 экз. Зак. Т3354. Ленинградская типография
№ 3 — Головное предприятие дважды ордена Тру-
дового Красного Знамени Ленинградского произ-
водственного объединения «Типография имени
Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.
191126, Ленинград,
Звенигородская, 11

© «Клуб и художественная
самодеятельность», 1988

А. Боглай. «Гончар». Латвийская ССР

Звуковая летопись страны Советов

1. «Для защиты Отечества»

Это второй выпуск из серии к 70-летию Вооруженных Сил СССР (см. № 22 — 1987 «Рожденная в боях»). В композицию, посвященную первым двум десятилетиям становления Красной Армии, включены документальные фонограммы из фондов ЦГАЗ СССР. Вы услышите голос легендарного наркома Серго Орджоникидзе, воспоминания Героя Советского Союза М. М. Громова, а также фрагмент выступления на II-й сессии ЦИК СССР VII созыва Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского (публикуется впервые).

Музыка вчера, сегодня, завтра

2. «Московский джаз-клуб-60»

Эта музыкальная страница — своеобразный экскурс в историю Московского джаз-клуба. На ней прозвучат записи 60-х годов: сначала обработка песни Б. Мокроусова «Одинокая гармонь» играет септет Бориса Рычкова, затем в исполнении трио флюгельгорниста Германа Лукьянова композиция «На одной ноге через веревочку».

3—4. «Классика джаза: Д. Гершвин „Порги и Бесс“»

Вы услышите фрагменты из знаменитой оперы Д. Гершвина в исполнении двух выдающихся мастеров — певицы Э. Фицджеральд и трубача и певца Л. Армстронга (запись 1957 года).

МАШИНА
ПЛАДНЫХ
ТАКТИКАХ
НОМЕРА

**письмо
из редакции**

ДАВАЙТЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ИНИЦИАТИВУ!

Лет пятьдесят назад молодой поэт Михаил Кульчицкий написал: «Самое страшное в мире — это быть успокоенным!» Так выразил он свое и миллионов своих современников духовное и жизненное кредо.

Мы устали от громких фраз, за которыми ничего не стояло. И в строчках М. Кульчицкого, как нам сегодня кажется, есть некая выпренность, излишняя звонкость.

Но для тогдашних наших сверстников звон слов был адекватен звону чувств и звучанию дел. «Мальчики невиданной революции», совершив переворот исторический, взялись за преобразования экономические, социальные, культурные. Горячая, ошибаясь, они меняли картину окружающего мира. Всеобщая — в масштабах гигантской страны! — активность революционных рабочих, крестьян, передовой интеллигенции была беспрецедентной. Разумную инициативу всюду встречали с энтузиазмом и немедленно апробировали.

Выленим из них инициативы в области культуры.

«Огромный инстинктивный порыв масс в сторону искусства» выливался в массовые площадные праздники, театрализованные суды, живые газеты. «Культштурм» безграмотности, «культпосты» на фабриках и заводах, громкие читки, «синие блузы», первые рабочие театры. Многого, что сегодня устарело, отжило, было когда-то ярким новым словом... И за каждым из этих открытий стояли конкретные люди.

Крестьянин Иван Федоров из села Капустина Мало-Вишерского уезда «самодельно» вздумал организовать избу-читальню, для чего «отдал свой дом под помещение и начал культурную работу».

Николай Охлопков, в недалеком будущем режиссер с мировым именем, в разгар гражданской войны разыгрывал вместе с другими самостоятельными актерами на площадях Иркутска революционные агитпредставления.

Борис Козлов, комсомольский работник, вожатый первого на Северном Кавказе пионерского отряда, кумир владикавказских мальчишек. В нем умирали режиссер и актер одновременно. Потом он работал директором клуба, а в 42-м погиб под Ленинградом. Его живую газету «Винтик» до сих пор вспоминают старожилы Орджоникидзе.

Погиб в 41-м великий придумщик Аркадий Гайдар, инициатор самого масштабного в предвоенные годы неформального, как мы теперь говорим, движения. Именно тимуровский опыт, спрощенный на взрослую жизнь, лежит в основе безвозмездного труда тысяч и тысяч неформально объединенных лю-

дей. Они реставрируют исторические и культурные памятники, спасают замусоренные леса и вытоптаные парки, берут под опеку одиноких стариков и «трудных» подростков, заботятся о бездомных животных...

Из ничего не рождается нечто. Корни большинства сегодняшних социально-культурных инициатив глубоко в прошлом.

Предтеча клубов по интересам — «комнатные клубы» 20-х годов, куда по вечерам, в назначенный день и час, собирались люди, объединенные общим революционным прошлым, профессиональными интересами, страстью к литературе или музыке... Пили чай, читали стихи, пели песни, разговоры затягивались за полночь.

Не напоминает ли нынешний телевизионный «Двенадцатый этаж» яростные многолюдные «политбои», гремевшие в рабочих, сельских, студенческих клубах? Кто, где, когда организовал первый «политбой»? Разве узнаешь имя его организатора!..

Сегодня много и справедливо говорят о необходимости восстановить истинную картину прошлого. Так отразим же правдиво и историю советского культурпросвета!

Валерий Климов и куйбышевский «ГМК-62» — первая, по существу, в стране федерация городских молодежных клубов. Геннадий Алференко и его «Терпсихора», Карем Раш и клуб «Виктория», Крапивинская «Каравелла» в Свердловске. Московский КСП и его многолетние лидеры Аркадий Гербовицкий и Игорь Каримов, Марк Розовский и театр-студия МГУ «Наш дом»...

На их долю и на долю десятков других, теперь уже далеко не молодых людей, выпало немало нравственных испытаний. Все они — энтузиасты, сформировавшиеся в конце 50 — начале 60-х годов — времени, когда споры в дружеском кругу достигали того же накала, что и на официальных собраниях... Культурный и культпросветский опыт того периода чрезвычайно богат. Из него и сегодня можно черпать немало идей. Он должен быть осмыслен как формальными клубами, так и неформальными объединениями.

В недавние годы от клубных работников постоянно требовали всевозможных инициатив. Но — в пределах инструкций, разрешений, в рамках дозволенного. А инициатива, даже, по известной пословице, наказанная-перенаказанная, все норовила из этих рамок вырваться. И кто-то выстоял тогда в борьбе с обстоятельствами, кто-то надломился.

Сейчас в живом процессе социального творчества «растворяются», а то и во-

все «растворяются» многие прежние инструкции. Новый виток общественной активности столь крут, что к социальным инициативам, особенно неформальным, подключаются даже те, кто в годы застоя уходил в личную жизнь или ночные сторожа.

Истосковавшись по честному слову и нужному делу, люди выходят из своих «экологических ниш», кидаются в диспуты, изучение современных философских проблем и экономических вопросов, создают публицистические спектакли, организуют художественные выставки, на которых сталкиваются самые различные творческие течения, ищут новый поэтический язык, адекватный социальным переменам, и т. д. и т. п. И что характерно и очень важно: дискуссии ведутся не для гимнастики ума, экономика изучается не только для повышения собственного интеллекта, стихи и пьесы пишутся не во имя будущего членства в творческом союзе, вызывающие споры выставки — не ради зрительского эпатжа... Цель — в ином, и у самых разных групп и объединений, у разных людей она совпадает: будоражить умы, перестраивать сознание — свое и окружающих, искать и находить возможности максимально способствовать революционному процессу в стране. А в искусстве, творчестве — создавать накопления количественные и качественные, на базе которых и может случиться большое художественное открытие. Вспомним еще раз 20-е годы, так напоминающие по эмоциональному накалу сегодняшнее время. Многообразие шедевров — литературных, музыкальных, сценических, живописных — возникло в многообразии поисков и течений, порой невообразимо спорных.

Проводятся фестивали, вернисажи, слеты, карнавалы... Клубные сцены все чаще становятся трибунами общественного мнения... То и дело возникают новые идеи — порой одновременно в противоположных географических точках. Быть может, впервые информация не успевает за событиями. А между тем, именно знания того, что, где и как происходит, координации действий и взаимопомощи часто не хватает как «неформалам», так и культпросветработникам, активно включившимся в перестройку клубного дела.

Надо четко осознать в нынешней ситуации: будущее, как никогда, зависит от каждого из нас — нашего неравнодушия к окружающей жизни, готовности поддержать лидеров как традиционных, так и неформальных начинаний. Тех, для которых и в стихах и на деле страшнее всего — успокоенность!

ВРЕМЯ НОВОВВЕДЕНИЙ

В. РОДИОНОВ,

заведующий отделом НИИ культуры
Министерства культуры РСФСР
и Академии наук СССР

Н

Границы культуры

а уровне обыденного сознания отрасль культуры, ее учреждения часто ассоциируются с самой культурой. Нередки случаи, когда работник аппарата управления или заведующий сельским клубом считают, что они — работники культуры, а не учреждения. При этом людям, не имеющим прямого отношения к их организациям или учреждениям, отказывается в праве быть сопричастным к культуре, разве что на условии объекта воздействия или воспитания.

Обозначенный психологический стереотип не так уж безобиден. Он приводит к разного рода негативным действиям. Так, в областном управлении культуры нередко избирают линию поведения, основанную на их якобы более глубоком понимании культуры, чем у нижестоящих работников. Те в свою очередь пребывают в уверенности, что многие потенциальные посетители клуба гораздо грамотнее его, духовно развитее, житейски умудреннее.

В качестве иллюстрации можно сослаться на хорошо всем известную практику, когда новоиспеченный заведующий сельским клубом считает себя вправе воспитывать людей только на том основании, что занимает должность. И его даже не смущает то обстоятельство, что многие потенциальные посетители клуба гораздо грамотнее его, духовно развитее, житейски умудреннее.

Между тем культура, как известно, создается не в организациях и учреждениях, а непрерывным процессом деятельности самых широких слоев общества. Основой культуры является человек, он производит культурную информацию, он потребляет ее, обмениваясь ею друг с другом, формирует свои культурные навыки, осуществляет свое духовное развитие и участвует в духовном развитии общества.

Фактически каждый член общества так или иначе участвует в культурной деятельности. Одни выступают как индивидуальные субъекты, другие — как коллективные, создавая неформальные группы или формальные объединения в учреждениях культуры. Профессор Б. Грушин различает два типа такой деятельности: культурная деятельность учреждений (КДУ) и культурная деятельность населения (КДН). Но если первая поддается прямому управлению, то на вторую возможно оказывать только регулятивное влияние, меняя условия, содержательный и методический фон.

Культурная деятельность населения многообразна, ее каналы и связи взаимозависимы, хотя их трудно описать. Она часто образует «параллельные» организационные структуры, которые не совпадают с формальными. Многие из них не имеют даже и признака организационного построения, хотя результаты их функционирования оказываются впечатляющими. Достаточно привести пример феномена песен В. Высоцкого. Они в большинстве своем не тиражировались государственными учреждениями, но их распространение нельзя было остановить. То же самое происходит с так называемыми «неформалами»: «металлистами», футбольными болельщиками-

(Публикуется в порядке обсуждения.)

ми, стихией бытового танца и т. д. Формализовать культурную деятельность населения практически невозможно, ибо культурные контакты людей — и есть основа культуры.

Таким образом, нельзя ограничивать культуру рамками замкнутых систем — клуб, библиотека, театр, музей и прочие учреждения, относящиеся к ведомствам, творческим союзам и обществам. Это очевидно. Но не менее очевидно и другое: не определившись в границах формальных структур, не уяснив себе сути и методов отраслевого управления, невозможно решать задачи совместной культурной деятельности учреждений и населения.

П

Парадоксы отраслевого управления

рактика управления последних десятилетий в отрасли культуры строилась таким образом, что население и человек как личность не рассматривались в качестве субъектов. Такая ориентация постепенно, но верно, привела к положению, при котором учреждения культуры могли существовать, совершенно не учитывая культурной деятельности населения, даже игнорируя ее, даже директивно подавляя, если она противоречила ведомственным стандартам и нормам.

Сложилось нелепое положение: культура — живой процесс общественного развития — все чаще загонялась в искусственные рамки, все более регламентировалась бесконечными параграфами бесчисленных инструкций.

В 60—80-х годах развитие отрасли шло в основном по экстенсивному пути. Нарастало количество традиционных учреждений: клубы, библиотеки, парки, усложнялись их функциональные характеристики, при этом дублировались функции одного учреждения другим. За два обозримых десятилетия в отрасли не появилось ни одного принципиально нового учреждения культуры, хотя общественное развитие и научно-технический прогресс открывали в этом направлении достаточно широкие возможности. Отрасль покоилась на незыблемых консервативных основаниях без направлений инновационного развития. Такой неестественный баланс тенденций нельзя расценивать как оптимальный.

Снизу доверху на всех уровнях прослеживаются недостатки управления: межведомственная и внутриведомственная разобщенность, неточность диагностики культурных процессов, некорректность статистики, вялость или полное затухание информационных потоков, особенно по каналам обратной связи, в силу этого интуитивность и необоснованность управленческих решений, камуфляж бесконечными кампаниями негативных тенденций, наконец, полное перерождение методического обеспечения от технологичности к пустословию.

Становится все более очевидным, что отрасль культуры не в полной мере выполняет социальное назначение. Такой вывод можно сделать, исходя из практики клубов, опираясь на публикации в центральной и местной прессе, работы общественных деятелей, социологов, психологов, педагогов о различных сторонах жизни культурно-просветительных учреждений. Их критика, начатая еще в шестидесятые годы, нарастает из года в год, что поддерживает тезис.

Нельзя сказать, что отрасль не реагирует на критику, не ищет путей улучшения работы учреждений. Наоборот. Например, только за последние десять лет осуществлены крупные акции по перестройке управления в районном звене. Проведена централизация библиотек (ЦБС), клубов (ЦКС), частично парков и музеев. Сделан следующий шаг — образованы культурные, социально-культурные и культурно-спортивные комплексы. Но вот парадокс: чем шире распространялась централизация и чем больше создавалось различных объединений в районе, тем менее эффективно осуществлялось управление ими. Могут это констатировать, опираясь на многочисленные беседы с культпросветчиками, на их выступления с различных трибун. Но, к сожалению, как правило, эти негативные оценки не воспринимаются органами управления отрасли сигналами бедствия. Не побуждают их к углублению, расширению принципов демократического управления. Конечно, приятнее рапортовать об успешном функционировании новых организационных структур. К стати, и в отраслевых публикациях, разработках научных и научно-методических подразделений доказывается то же самое.

Отсюда второй парадокс: в рапортах отрасль эффективно перестраивается, но эффективность этой перестройки никто другой, кроме самих органов управления культуры, обнаружить не может.

Таким образом, реформирование учреждений культуры имеет лишь внутриотраслевое значение и не очень-то влияет на изменение состояния культуры. Теперь понятна и разница в оценках управленческих акций. Отрасль оценивает эффективность новых построений по внутренним критериям: улучшилось планирование, увеличились ресурсы, удвоилось, утроилось (правда, часто за счет дублированного учета одного и того же мероприятия) суммарное количество мероприятий и посетителей. И этим подтверждается прогресс. Оппоненты же констатируют, что ухудшается культурная ситуация в целом и в конкретной социальной среде, все меньше влияют на нее учреждения культуры, растет стихийное производство культурных феноменов и услуг без участия работников отрасли культуры, а часто и вопреки им.

Поскольку процесс совершенствования управления в последнее десятилетие касался в основном района, небезынтересно хотя бы эскизно коснуться его проблем. Это послужит правильному пониманию состояния управления в целом.

Кризис районного звена!

Основным звеном отрасли является район. Здесь сосредоточены учреждения культуры. Здесь в основном осуществляются культурные контакты населения. Хотя, безусловно, люди выезжают в областные и другие крупные города, посещают там театры, музеи, концертные залы. И все же район является как бы форпостом культуры, и от того, как работают культурно-просветительные учреждения, как относятся к ним население, можно судить о действенности всей системы. Надо признать, что пока работают неэффективно. В чем причины? Их много, обо всех не скажешь. Тем не менее попробуем разобраться в некоторых.

Сегодня управленческие усилия всех уровней отрасли — всесоюзного, республиканского, областного — направлены на район. Он находится под неусыпным контролем. На него буквально сыплется бумажный поток директив и распоряжений, его постоянно и очень дотошно проверяют различные комиссии всех рангов. При таком управленческом прессинге, когда, казалось бы, невозможно сделать неверного шага, районная система культуры должна работать с точностью хронометра, должна быть максимально управляема. Но так ли это?

Исследование массива приказов Министерства культуры РСФСР показало, что почти вся управленческая деятельность районного отдела культуры заключается в составлении разного рода отписок во их исполнение. Никаких сколько-нибудь серьезных действий по развитию культуры в районе отдел, опираясь на приказы министерства, не производит. Причем эти документы, как правило, не доходят до рядовых культпросветчиков. Вывод один: управленческие сигналы, идущие с верхних уровней управления, полностью затухают на уровне районного отдела культуры. Так управляем ли он? Налицо вы-

сокая степень автономности, независимости районного звена от министерства.

Тогда, может быть, отделом управляют местные органы? Да, и очень жестко. Но ответ не закрывает вопрос, а, наоборот, порождает новые. Среди них наиболее существенный, заставляющий серьезно задуматься: почему произошла смена социальной роли заведующего отделом культуры? Пояснение можно найти в словах одного из них. Он констатировал, что партийные и советские руководители района привыкли видеть в заведующем не столько работника аппарата управления, сколько массовика-затейника или, на худой конец, снабженца.

Приведенное заявление не домысел. Действительно, заведующий отделом культуры под натиском районного начальства выполняет не свойственные себе производственные функции: пишет сценарии, организует праздники, репетирует, режиссирует и так далее. Колесо производственных дел давно переехало управленческий статус заведующего, но его продолжают катать взад и вперед, чтобы окончательно сокрушить оставшиеся нетронутыми части управленческого процесса в районном звене. Между прочим, в этом преуспевают не только местные руководители, но и вышестоящие, отраслевые.

Взять то же планирование. Требования однозначны: только от достигнутого. Но ведь в этом случае не нужен заведующий отделом культуры, такой план может сверстать и технический исполнитель. А если изменилась культурная ситуация в районе? Если упал интерес населения к тем или иным формам культурно-просветительной работы? Если досуговая квалификация людей выросла по нетрадиционным видам деятельности? Да мало ли какие «если» могут возникнуть в живом деле культуры. Как тогда?

Заставляя перевыполнять отраслевую номенклатуру, не толкают ли ведомственные директивы заведующего на бумажный процесс управления? А это ведет к незаинтересованности в реальном информационном обеспечении. Чтобы отписаться, достаточно эмпирических знаний, а знания у разных заведующих, естественно, разные. Стало быть, идет наверх псевдоинформация. Некачественная и несопоставимая. Вот и попробуй на верхних уровнях управления сложить четкую картину состояния культуры в районах.

Сверстать сколько-нибудь реальный план без объективного анализа и прогноза невозможно. Прогноз же развития культуры в районе на полном нуле. Если бы сегодня отраслевые органы отказались от существующего планирования, то даже трудно представить, какие реальные цели поставили бы перед собой в районе. Для этого нужны знания хотя бы на уровне прикладной социологии. Но кто их даст?

Заведующий отделом культуры не обладает никакими правами. У него нет финансового фонда. Нет фонда материального снабжения. Он не является держателем лимита по труду. Не может серьезно повлиять на нормативы и квоты содержательной деятельности, замороженные отчетной формой 7-НК. Так кем же он является?

Сегодня я бы назвал его производственным, жизнь сама определила ему этот статус. Но тогда не пора ли узаконить его новую социальную роль в деле развития культуры в районе? Скажем, сделать его директором или генеральным директором единого комплекса культуры в районе, придав ему, соответственно, все права хозяйственной и юридической самостоятельности? Во всяком случае здесь есть над чем подумать.

Район, как лакмусовая бумажка, высвечивает болевые точки управления. Дальнейший их камуфляж невозможен — нужны радикальные нововведения. Впрочем не только на уровне района.

(Окончание следует)

Общественная активность, вызванная происходящей в стране перестройкой, выходит за пределы привычных форм деятельности людей.

Добровольцы, своими руками восстанавливающие памятники культуры, деятельно участвующие в сохранении природной среды, энтузиасты-общественники, организующие творческие клубы и объединения, — все они участники неформального общественного движения.

Почему «неформального»? Потому что оно еще не облеклось в устоявшиеся формы, перед нами — живой процесс социального творчества... Но подростковые «команды», силой пытающиеся утвердить, что «должно быть», — тоже из «неформалов». Их активность не обрела еще зрелые, морально значимые формы. Очень много горячего, нетерпеливого, далеко не бесспорного во всем этом, поистине самостоятельного в конечном счете клубного движении, в стороне от которого не могут, не должны оставаться профессиональные культпросветчики.

Общая оздоравливающая обстановка в стране неизбежно укрепит здоровые начала этого серьезного социального явления, болезненные же — стихнут, выправятся. Но для этого нужен общий труд всех нас — и тех, кто пишет о клубной жизни, и тех, кто в ней участвует, и тех, кто призван искать оптимальные пути управления ею.

Отнесемся же внимательно и терпеливо ко всему, что несет с собой неформальное общественное движение! Ведь за каждой инициативой, каждым самостоятельным начинанием — каким бы спорным и противоречивым оно ни было — реальные люди, их надежды, стремления, жгучее желание активно участвовать в жизни общества. «Студия социального эксперимента» — так будет называться новый раздел журнала, посвященный разным граням, сторонам и проблемам неформального общественного движения.

Почему студия? Потому что мы считаем необходимым исследовать разные аспекты деятельности неформальных клубов и объединений, их влияние на

СТУДИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

процессы, происходящие сегодня в обществе. В то же время и само это движение экспериментально по своей сути, неформальные объединения различных направлений ищут новые формы работы, отличные от традиционных клубных. В какой бы области ни велся эксперимент — в сфере экологии, экономики, культуры, различных видов творчества, он имеет социальную направленность, так как развивает демократическое самоуправление, социальную инициативность.

Следите за рубриками этого раздела: «Прямая связь», «Представляем творческие неформальные объединения», «Портрет лидера», «Общественная инициатива — перестройке», «Институт социальных инициатив».

Возможно, некоторые мысли, идеи, предложения, высказанные в материалах раздела, покажутся нашим читателям спорными. Что ж, приглашаем всех желающих к общему разговору, дискуссиям, заинтересованному обмену мнениями.

ЦЕННОСТЬ НЕФОРМАЛЬНОСТИ: ВСТРЕЧА ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Леонид ПЕРЕВЕРЗЕВ,
культуролог

Не так давно в Москве состоялась информационная встреча-диалог между представителями более сорока неформальных объединений, проходившая под девизом «Общественные инициативы — перестройке». Мне довелось быть на этой встрече, и мысли, которыми я хотел бы поделиться с читателями журнала, прямо вытекают из услышанного и увиденного там во время четырехдневной дискуссии, охватившей широкий круг тем: от мер социально-правовой защиты до ускорения промышленно-экономического развития, от индивидуальной трудовой деятельности до охраны памятников и экологии культуры.

То, что идея перестройки и вся сопряженная с ней тематика вызывают горячий отклик у активистов неформального движения, понять легко. Здесь перед ними открывается поистине безгранич-

ное поприще приложения их энергии: возможность принести ощутимую пользу стране и надежда упрочить наконец свое положение в обществе, до сих пор остающееся весьма неопределенным и зыбким.

Какую, однако, роль во всем этом суждено сыграть неформальным объединениям, относимым к разряду «творческих», то есть либо непосредственно причастных к какой-то художественной практике, либо занимающихся ее изучением, поддержкой и пропагандой? Они, разумеется, тоже приветствуют перестройку, ожидая от нее для себя перемен к лучшему. Но вот есть ли у них возможность самим предложить что-либо перестройке и внести свой вклад в процесс всеобщего обновления нашей жизни?

Односложным «да» или «нет» тут не обойтись, нам волей-неволей придется вернуться к исходному пункту нашего разговора и вспомнить ряд старых, но

слишком часто забываемых нами истин.

Можно говорить и спорить о путях перестройки, ее методах, стратегии и тактике, но одно бесспорно: никто не знает в точности как ее проводить, для этого нет готовых рецептов.

Перестройка требует нестандартного подхода и творческого мышления, а творчество по природе своей всегда в дефиците.

Как восполнить дефицит творчества? Как мобилизовать все имеющиеся, но покамест невыявленные, спящие, неразвитые, скрытые от нас самих творческие ресурсы?

Известно, что лучшее средство пробуждения, воспитания, развития творческих способностей — искусство, художественная активность, несущая в себе семена, ростки, модели поисковых начал для всех, других человеческих начинаний — научно-технических, народно-хозяйственных, социальных.

В каких случаях творчество испытывает подъем, а в каких упадок?

Поскольку оно по своему духу и в высших его проявлениях всегда собирательно, синтетично, «соборно» и целостно, творчество расцветает лишь в диалоге — свободном, равноправном, взаимноответственном общении творящего с другими людьми, природой, космосом и самим собой.

Односторонне — монологическое утверждение какой-то одной воли и точки зрения, замыкание, разобщенность, взаимоизоляция, раскол и вражда угнетают и убивают творчество.

Кто-то возразит: у нас же есть крупные творческие союзы, объединяющие высококвалифицированных мастеров своего дела, кому же как не им быть питомником творчества для всех, кто в том нуждается?

Увы, недавно прошедшие съезды и совещания таких союзов констатировали царящий в них глубокий и тяжкий застой, отрыв от жизни и проблем, волнующих общество, сосредоточение на внутрипрофессиональных интересах. Раздавались жалобы на засилье бюрократического отношения к вопросам искусства, призывы перестраивать работу так, чтобы вносить в нее побольше неформальных элементов.

Я отнюдь не собираюсь хоть как-то критиковать или упрекать в чем-то эти союзы, я просто подчеркиваю еще раз всем известный факт дефицита творчества и крайнюю скудость «формальных» источников его «профессионального» восполнения. Это состояние усугубляется отсутствием организационных условий и каналов для постоянного беспрепятственного общения, обмена и сотрудничества между членами различных творческих союзов. В самом деле, есть союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов, журналистов, но нет союза творческих деятелей. Нет союза лиц, объединившихся не по профессии, не по специальности, не по цеховой принадлежности, не по уровню квалификации или наличию диплома об окончании соответствующего учебного заведения, а по тяге к новому и неизведанному, по стремлению к поиску и эксперименту, по признаку оригинального, а не стереотипного мышления.

Отсутствие такого союза — не официального учреждения с вывеской и строго ограниченным допуском в число посвященных, а сети многосторонних связей между всеми людьми творчества — препятствует повышению и реализации творческого потенциала нашего общества, тормозит его социальное развитие и дальнейший культурный рост. Оно задерживает также преодоление нашего отставания от темпа мирового научно-технического прогресса, в основе которого лежит тоже творчество.

Творчество неделимо и необходимо всем. Почему же его стали трактовать как некую привилегию и роскошь, дарованную и доступную лишь немногим? Остальных же приучили рассматривать творчество как забаву, баловство, легкое развлечение в нерабочие часы, а не как жизненно важный фермент интеллектуального, нравственного и эстетического самосовершенствования каждого человека, как залог и гарантию его полноценной личной жизни, полноценной трудовой деятельности и гражданской активности. Возникновение неформальных творческих объединений — наглядное доказательство того, как серьезно

стала относиться к творчеству молодежь, лучшая ее часть.

Сегодня все чаще говорят о том, что выпускники школ, училищ и вузов, лишенные гуманитарно-художественного воспитания, ничтоже сумняшеся воплощают проекты, преобразующие облик Земли, а попутно ликвидирующие святыни национальной культуры и невозобновляемые естественные ресурсы. Но ведь вина за это ложится не столько на исполнителей, сколько на авторов таких проектов — исследователей, разработчиков и ученых-экспертов, увенчанных высокими академическими степенями. Они, эти разработчики и проектировщики, тоже ведь люди творчества, но творчества, слишком узко сфокусированного исключительно на технике, оружии и начисто игнорирующего человеческий фактор, иными словами — живого, страдающего и подчас не выдерживающего страданий человека. Такое одностороннее, частичное, если угодно, слепое или очень близорукое творчество ведет не к созиданию, а к разрушению. Оно могло бы быть не таким узкоограниченным, более зрячим, принимающим во внимание человеческие нужды и потребности как в живой природе, так и в духовной пище, если бы создатели инженерных сооружений получали бы за время учебы не только специальную, но и универсальную творческую подготовку, дающую ощущение родства со всем миром и сопричастности целостному бытию.

Ведь раскол некогда единой культуры на две почти бесконечно далеко разошедшиеся половины — научно-техническую и гуманитарно-художественную — в конечном счете губителен. Этот раскол, по поводу которого давно уже бьют тревогу крупнейшие умы человечества, грозит в наши дни катастрофическими последствиями не только для тех или иных индивидуумов, но и для всего человечества.

О внесении гуманитарно-художественного начала в систему образования и подготовки научно-технических специалистов, равно как и в саму среду современной науки и производства, думают сегодня исключительно энтузиасты — члены неформальных творческих объединений, возникающих при университетах, институтах, больших промышленных предприятиях. Симптоматично, что подавляющее большинство таких энтузиастов владеют как минимум двумя профессиями — научно-технической и гуманитарной; именно они служат соединительным звеном между двумя половинами расколотой культуры и между различными ветвями творческой деятельности внутри каждой из этих половин.

Нельзя забывать, что отчуждение, разобщенность, а подчас и раскол наблюдаются ныне и в самом искусстве. Это выражается в антагонистическом противопоставлении друг другу различных направлений, стилей и жанров внутри одних и тех же видов искусства и в увеличивающемся отпадении самих этих видов: живописи от музыки, поэзии от театра и так далее. Если посмотреть, кто именно особенно горячо бьется сегодня за идею содружества искусств и пролагает новые пути к синтезу их художественных форм (в светомызыке, например), то мы увидим те же неформальные творческие объединения.

Никто уже не сомневается, что промышленно-экономическая и социально-политическая перестройка немалыми

без перестройки нашей культурной жизни, в которой ныне уже происходят удивительно вдохновляющие и обнадеживающие события. Я убежден, что неформальные творческие объединения способны сыграть в них если не ведущую, то, во всяком случае, иницирующую роль.

Скептики опять спросят: да способны ли живописцы, музыканты, драматурги, короче поэты, выдвигать на сей счет какие-либо значимые общественные инициативы? Их ли это дело?

Конечно, художник не дает практических советов в области государственной политики и не решает задач организации труда на производстве. Поэт лишь вопрошает, свидетельствует и очерчивает проблемы, но тем делает их всеобщими, заставляет ощутить их как тревогу, боль, озабоченность, личное дело каждого, а не только «специалистов». Уже одно это чрезвычайно важно, но почему ограничивать поэтов только постановкой вопросов? Почему отказывать им в праве на соучастие в поисках творческого решения наиболее сложных и крупномасштабных проблем жизнестроительства?

Допустимо вообразить себе три пути такого соучастия.

Художники, артисты, поэты сами выступают инициаторами каких-то изменений, движений, социальных действий, рисуя яркими красками ситуации, требующие нашего творческого вмешательства, и тем мотивируя широкую общественную активность.

Художники отражают своим творчеством инициативу других, позволяя нам глубже понять, уяснить, принять в себя ее суть, дабы оказать ей более сознательную, энергичную и квалифицированную поддержку. Ведь инициативы выдвигаются много, и правильно оценить их с первого взгляда не всегда легко. Одни выглядят очень увлекательно, другие скромнее, что не обязательно соответствует их подлинному значению. Художник же помогает нам увидеть истинный смысл предложений внешне многообещающих, но пустых, бесплодных, а то и опасных по своим последствиям. Он же открывает нам глаза на незаслуженно забытое и отвергнутое, но сегодня оказывающееся в высшей степени современным и актуальным.

Наконец, поэты могут развертывать перед нами множество образов, художественных моделей и перспективных проектов будущего, тут же подвергать их жесточайшей критико-эстетической проверке и отбирать вместе с нами лишь те из них, которые выдерживают испытание на совместимость с нашими конечными идеалами и высшими целями.

Конечно, во всем этом заключен огромный риск, но таково неременное условие любой творческой работы, и неформальные объединения, как показывает опыт не очень долгой, однако достаточно драматичной их истории, условия это принимают охотнее, чем «формализованные».

Второе же неременное условие состоит в том, что, замышляя свои идеи и образы в одиночестве, люди творчества не могут обойтись друг без друга и без симпатизирующей им аудитории, к которой они обращаются не столько за одобрением, сколько за сотворчеством — всегда личным, всегда диалогичным, всегда неформальным. А для этого им нужно прежде всего встретиться лицом к лицу.

МЫ — ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА СОВРЕМЕННОСТИ

Творческое неформальное объединение (ТНО) отличается, с одной стороны, от клубного кружка и любительского объединения, создаваемого штатными культпросветработниками, а с другой — от неорганизованных «неформалов», стихийно формирующихся и распадающихся компаний и течений, для представителей которых принадлежность к тому или иному сообществу устанавливается скорее по внешним признакам (значки, одежда), нежели на основе продуманной программы действий.

Творческие неформальные объединения устойчивы, имеют постоянный актив, программу действий, нередко зрелую и конструктивную. Создаются они на общественных началах энтузиастами, как правило, хорошо сведущими в той или иной области деятельности, которая объединяет единомышленников. Если «прописка» таких объединений не клубная, их можно рассматривать как партнеров клуба, взявших на себя функции развития общественной инициативы и творческих устремлений той или иной группы населения.

Неформальные творческие объединения заявили о себе на форуме творческой молодежи, который проходил на Калининском проспекте столицы, продемонстрировали свои возможности на фестивале «Клуб-87» в московском ДК «Меридиан», а на информационной встрече-диалоге «Общественные инициативы — перестройке» выдвинули идею создания федерации ТНО.

В нашей рубрике мы продолжим разбор нерешенных проблем, связанных с деятельностью ТНО, с помощью энтузиастов и ученых постараемся определить формы участия ТНО в развитии культуры общества, в эстетическом воспитании различных групп населения.

Надеемся, что материалы рубрики «Представляем ТНО» помогут участникам этих объединений обогатить программу своей деятельности, поделить друг с другом опытом, определить перспективу роста, а клубным работникам дадут возможность изучить своих партнеров и сделать их союзниками в перестройке культурно-просветительной работы.

Знакомьтесь: московское творческое объединение «Прометей». Родилось из домашнего кружка «Диспут», созданного группой энтузиастов, увлеченных проблемами философии, культуры, космологии, этики, истории... В апреле 1987 года «Прометей» на правах коллективного члена вступил в Межрайонное объединение самостоятельного творчества (МОСТ) при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Теперь мы проводим свои мероприятия в ДК МГУ (Москва, ул. Герцена, д. 1. Связаться с нами можно через штаб МОСТА по телефону: 203-36-12). Но наша деятельность не зависит ни от штатного расписания, ни от сметы этого клубного учреждения. Для нашего объединения не выделяется ставка руководителя, специальное оборудование. Мы сами ведем всю организационную работу, печатаем планы, программки и считаем это своим посильным вкладом в работу по эстетическому воспитанию, которую ведет ДК гуманитарных факультетов МГУ.

Формы деятельности «Прометей» — семинары, диспуты, конференции, концерты, фестивали. Круг обсуждаемых проблем самый широкий. Например, на диспуте «Чем актуален сегодня для нас пример жизни М. В. Ломоносова!» (вступительное слово Павла Тулаева) поднялись такие вопросы: все ли идеи и замыслы Ломоносова претворены в жизнь; какие из них прямо касаются нас с вами; трудности и преимущества свободной и открытой борьбы за истину. Конечно, следовать примеру такого человека, как Ломоносов, не просто. Не каждый может стать ученым-энциклопедистом, но каждый, абсолютно каждый, способен научиться отличать ложь от правды, демагогию от убеждений, изворотливое зло от простого добра, пустые

забавы от радостного творчества. Вот те практические истины, которые мы вынесли с диспута.

Участники «круглого стола», посвященного А. С. Пушкину, высказывались по широкому кругу проблем: Пушкин и музыка, взгляды Пушкина на естественные науки, о развитии мировоззрения Пушкина...

А другой «круглый стол» на тему «Что такое человек!», хотя и задумывался как научный семинар, к которому многие готовили специальные выступления, вылился в бурную дискуссию о перспективах развития человека, о будущем цивилизации и активной жизненной позиции каждого.

Мы устраиваем и музыкальные вечера. На одной из таких встреч автор и исполнитель самостоятельных песен Владимир Марченков рассказывал нам об истории и проблемах КСП, об особенностях русской рок-музыки. Гитарист и коллекционер грамзаписей Александр Марин помог нам по-новому взглянуть на творчество И.-С. Баха.

Мы начали проводить и выездные мероприятия — с палатками, кострами, концертами. Но и здесь стараемся обсуждать серьезные темы. Так, на фестивале, посвященном Дню защиты детей, который мы организовали вместе с МОСТом, Дмитрий Петров провел дискуссию на тему «Борьба за мир и гуманистическое воспитание», а Сергей Голотюк стал инициатором живой беседы «Люди и игры».

На вечере, посвященном 30-летию космической эры, обсудили проблемы освоения космоса, формирования нового мышления и вопрос о Прометее как практически жизненном символе.

Таковы дела нашего объединения. А вот его кредо:

Основные принципы и правила работы московского творческого объединения „Прометей“

1. Что такое Прометей?

Прометей — это всемирно-исторический символ прогрессирующей человеческой цивилизации, емкий, глубокий, постоянно наполняющийся новым смыслом символ Человека, бросающего вызов богам, символ его постоянного стремления к Свободе и Свету, ненавистя к Року и Смерти. Нам образ Прометей особенно дорог своим современным

гуманным содержанием, в частности тем, что он подразумевает коллективизм, уважающий индивидуальность и самостоятельность каждой личности.

2. Что представляет собой творческое объединение «Прометей»?

Творческое объединение «Прометей» — это добровольный круг общения людей, которых сближают сходные идеалы, общие дела и цели.

3. Были ли у него предшественники?

Разумеется. Мы опираемся на опыт всей творческой деятельности в духе Прометея. Наше объединение создается на основе кружка «Диспут», действовавшего с 30 июня 1983 года.

4. В чем главный смысл деятельности «Прометей»?

Сегодня мы более ясно, чем вчера, понимаем, что живем в эпоху становления общества свободных людей и проникновения Человека во Вселенную, но вместе с тем в такое время, когда мир поставлен на грань самоуничтожения. Мы — наследники того, что создано и создается людьми. Старшие поколения передают нам эстафету созидания от поколений предыдущих. Мы — действующие лица современности и с каждым днем все более осознаем нашу ответственность за то, что происходит вокруг, и за то, что мы передаем другим. Творческое объединение «Прометей» должно помочь нам достойно исполнить наш гражданский и исторический долг.

Мы считаем, что основы понимания тех или иных проблем закладываются в процессе индивидуальной работы, но совместное творчество, безусловно, способствует углублению этого понимания.

5. Каковы основные цели «Прометей»?

Как и прежде, мы считаем, что наша основная цель — способствовать осознанию сопричастности каждого к проблемам современной земной цивилизации; формированию мировоззрения, соответствующего новому этапу в развитии человечества; самосовершенствованию и самообразованию; углублению и расширению знаний участников нашего объединения; соединению творческих усилий тех, кому близки наши идеи.

Исходя из того, что человеческое общество представляет собой самостоятельную ценность, мы по-прежнему будем стремиться к тому, чтобы наше объединение было не механическим общением случайных людей, а **духовной общностью**, где действуют принципы взаимовлияния, взаимосовершенствования и взаимовоспитания. Для нас это важно, поскольку наши общие ценности: искренность, открытость отношений между людьми, готовность делать добро. Изменяя себя, мы стремимся к преобразованию окружающего нас мира.

6. Чем практически занимается объединение?

«Прометей» занимается изучением общих проблем человеческой цивилизации и постижением тайн Вселенной. Мы не ограничиваемся какой-либо одной или несколькими областями человеческого знания. Мы стараемся охватить как можно более широкий круг тем, чтобы раздвинуть горизонт знаний и представлений каждого из нас. Нас интересуют проблемы философии, истории, космологии, экологии, педагогики, литературы, музыки и т. д. В то же время мы считаем, что каждый из участников объединения должен быть **профессионалом**, мастером своего дела. Мы считаем обязательным для каждого в своих специальных исследованиях и творческих поисках подняться до уровня современных знаний в данной области. Мы не хотим, чтобы «Прометей» превратился в бесполезное собрание болтунов и вероубов, мы хотим, чтобы он был объединением действительно творческим, то есть плодотворным.

«Прометей» — это объединение социально активных граждан, поэтому одним

из важных аспектов нашей деятельности является непосредственное участие каждого в общественной жизни страны. Оно может выражаться не только в изучении острых проблем современности, но также в разработке конкретных социальных проектов и предложений, в организации и участии в мероприятиях в защиту мира и окружающей среды, в борьбе против наркомании и алкоголизма, в обсуждении и решении проблем молодежи. Наиболее обоснованные и общественно значимые гражданские инициативы мы будем стремиться воплощать в жизнь, как индивидуальными, так и совместными усилиями.

7. Каковы формы деятельности «Прометей»?

«Прометей» может действовать в самых различных формах. Он проводит научные семинары, «круглые столы», обсуждения книг и докладов, тематические встречи, праздники, фестивали, походы, концерты, литературные вечера и т. д., и т. п. Эти творческие встречи могут проводиться дома у участников и сторонников «Прометей», на природе, в любых предоставленных для этого общественных местах.

8. Существует ли у объединения какой-нибудь порядок в работе?

Да, существует. Мы считаем, что любое серьезное, а тем более творческое дело немисливо без соблюдения разумного порядка и элементарных норм человеческого общения. Мы признали, в частности, целесообразным обсуждать и принимать предварительный ежегодный план основных дел «Прометей», в котором оговаривается число, форма встречи, место ее проведения и тема. Но наш план — это не мертвая схема, а руководство к делу.

9. Есть ли у «Прометей» председатель, какое-нибудь постоянное руководство или лидер?

Нет. Постоянного руководства у «Прометей» нет и не может быть. По соображениям принципиального характера мы не выбираем и не назначаем главных. Нет у «Прометей» и лидеров. У него есть активисты.

10. Как организуется вся работа? Как проводятся встречи?

Очень просто. Тематические встречи проходят согласно обсужденному и принятому всеми плану. Если участники объединения нужно решить какой-нибудь вопрос, они собираются, обсуждают его и решают путем достижения консенсуса, то есть общего согласия. Если вопрос сложный, а собравшихся оказывается много, то обсуждение проходит в следующем порядке. Каждому предоставляется возможность предложить для голосования кандидатуру ведущего. Таких кандидатур должно быть не менее трех. Выборы проходят путем открытого голосования и открытого подсчета голосов. Тот, за кого голосовало большинство, становится ведущим данного собрания. Второй и третий кандидаты по количеству собранных голосов становятся соведущими.

11. В чем заключаются функции ведущего и соведущего?

Ведущему встречи предоставляется право координировать работу всех со-

бравшихся. Он дает слово желающим высказаться, ведет обсуждение, обобщает предложения, прерывает в случае необходимости выступление и т. п. Сопровождающие, равные в правах, помогают ему. В то же время, они могут прервать ведущего, поправить его или сделать ему замечание, если он нарушит правила работы или принципы «Прометей».

12. А кто может быть участником творческого объединения?

Участником нашего творческого объединения может быть любой человек, которому близки идеи «Прометей» и кто принимает принципы и основные правила его работы.

13. Как вступить в «Прометей»? Что подтверждает членство в объединении?

У нас нет членства. Акта вступления в «Прометей» как такового не существует. Участником объединения можно стать только постепенно. Участие в деятельности «Прометей» подтверждается не формальными документами, а практической работой каждого.

14. Ну а если кто-нибудь пожелает просто прийти один или несколько раз на встречу объединения, так сказать, в гости? Может он это сделать?

Да, конечно. Наше объединение открыто для гостей. Но в общем-то мы стремимся не к случайному, а к постоянному, полноценному и целенаправленному общению.

15. Каковы права участников объединения?

Каждый из нас имеет право делать все, что не противоречит советским законам и соответствует принципам «Прометей».

16. Есть ли у участников объединения обязанности?

Есть, и очень даже серьезные. Главная из них — **личная ответственность каждого за свою работу** в «Прометее». Мы — не дети и хорошо должны понимать, для чего собираемся, для чего тратим драгоценное время, ради чего все затеяли. Быть в общении порядочным, самодисциплинированным, обязательным — вот важнейшие моральные принципы любого участника объединения.

17. Может ли «Прометей» сотрудничать с другими организациями и объединениями?

Несомненно. На общих законных правах «Прометей» не только может сотрудничать с какими-либо организациями или объединениями, но может прямо кооперироваться с ними в тех делах, которые не противоречат его принципам и целям. Сохраняя свою независимость, «Прометей» может вступать в качестве коллективного члена в более крупные советские общественные организации и участвовать в их работе через своих представителей. Это, разумеется, не исключает прочие личные контакты и обязательства участников «Прометей».

18. Этот документ «Прометей» можно считать окончательным?

Нет, он имеет рабочий характер. Если потребуются внести в него какие-либо добавления или исправления, мы соберемся и сделаем это без лишней проволочки.

Если ты живешь всерьез,

если ты хочешь знать историю своих предков,

если тебя волнуют проблемы современного человечества,

если ты способен мечтать о его будущем,

если ты стремишься сделать лучше себя и мир вокруг себя,

если ты готов поделиться своими мыслями с другими, присоединяйся

к Прометей!

ДОВЕРИЮ

Г. ПАВЛОВСКИЙ,

член совета Клуба социальных инициатив

Как сложилась моя жизнь, что я редко заглядывал в клуб. Правда, работая три года в одном из крохотных северных городков, я вынужденно пользовался клубом, но лишь потому, что кинотеатра там не было. Понятие «клуб» стояло в ряду таких почтенных ведомств, как баня, милиция, магазин, почта. В нем шли индийские фильмы и иногда вечера «Кому за 30». Понятно, что слово «клуб» для меня означало тогда скорее тип строения. Да и не только для меня. Признаемся откровенно, именно таким был наиболее распространенный, отверделый, обиходный смысл этого слова. Недаром в издании «Пиквикского клуба» для школьников стали давать примечания, чтобы мистера Пиквика не посчитали инструктором на окладе...

— Вы не зайдете к нам на Арбат?

— Куда это — «к вам»?

— К нам в клуб, у театра Вахтангова.

И я зашел... Посреди большого подвального помещения на грубо сколоченном столе высилась груда писем, их разбирали несколько человек. Позднее я узнал, что это была почта, полученная одной из молодежных газет в ответ на зажигательный призыв проявить инициативу — с обещанием, что та будет поддержана. Письма пролежали в редакции год, и теперь их разбирали на общественных началах. Подсел и я... И оказался членом Клуба социальных инициатив, объединившего людей, нашедших в этих письмах нечто большее, чем обычные предложения. Перед нами было не эхо инициативы — она сама, в живых голосах ее носителей со всех концов и глубин страны.

«Организовать издание журнала безумных идей. Отдельные идеи часто не публикуются, ибо пока не вписываются в общепринятые представления, и их забывают» (П. Н. Бутин, г. Йошкар-Ола).

«Создать платное бюро помощи престарелым (магазин, аптека, столовая и т. д.). Работа в нем — для школьников и учащихся медучилищ, взамен производственной практики» (Ия Колесникова, г. Шуя).

«Восстановить уникальное здание кирпичными руками одесской молодежи. Это будет наш дом, дом молодежи. Мы хотим построить его своими руками, на заработанные нами средства. Нам нужен урок эффективного и бескорыстного труда со зримым конечным результатом» (Д. Койфман, г. Одесса). А вот неожиданный совет Д. Плякиной (г. Могилев): «Для экономии электроэнергии стены подъездов и коридоров окрашивать только в светлые тона». Почему-то откладываю письмо в сторонку, и тут же в руки еще одно: «Окрашивать бетон панелей в яркие цвета...» Что это они

все собрались раскрашивать? Тут догадываюсь, что дело не в экономии, подтекст целой серии инициатив — понижение уровня серости, цветовой — и не только...

Психологи называют сенсорным голоданием то состояние, в котором пребывает, например, пассажир трамвая, идущего по шоссе Энтузиастов в Москве, созерцающая трубу, стену фабрики, конструкции, выкрашенные в сурик, еще раз трубу, еще раз сурик... Так и тянет все продранить с песочком, да по ведру краски в руки — желтой, зеленой, синей, да ту трубу — в зебру, эту — в ногу фламинго, а во весь газгольдер намалявать клоуна в полной производственной раскраске! Желание «расцветить» образ жизни — свой и окружающий — не это ли стоит за многими социальными инициативами? Они не прихоть, не досужее чудачество, они — социальные автопортреты, визитные карточки исполнителей, стремящихся стать авторами своего образа жизни. Человек может не сознавать этого. Он чувствует, что попал в замкнутый круг, и просит его развлечь, познакомить, сблизить. Отсюда масса предложений проводить дни знакомства, устраивать клубы общения и тому подобные «провокации» встречи человека с человеком. Здесь ли выход? Даже если покрыть всю страну сетью клубов общения, не обойтись без армии методистов — и тоска вернется под новым именем.

Это голод не просто сенсорный — не только эмоциональный — это голод по самостоятельному началу в жизни вообще. Дело не в том, чтобы расплескаться вокруг яркие краски, а чтобы перекрашивать самому не «от сих до сих». Общественная инициатива всерьез — это увлекательное путешествие в мир, которому нет конца, по своему, на ходу уточняемому маршруту. Только на этом пути, в неизменной паре с риском, рождаются ответственность и социальная страсть, появляются — вместе с противником — друзья-спутники и друзья-оппоненты. Так, Поль Райкин разработал и годами пробивает проект городского «велополитена». Так, педагог из Мытищ Куклев ищет для своего интереснейшего проекта школы архитектора-разработчика, а архитектор из Ленинграда Тугаринов — смелого председателя колхоза, который реализует его проект сельской школы-клуба. Так, сантехник Михаил Котов выступает инициатором создания «ордена Доброты».

Социальная инициатива — вот основа для клуба общения. Смыкаясь с другими начинаниями, она ведет своих подвижников от встречи к встрече, легко знакома и сблизив людей без массовика-затейника. Человек, начавший нечто важное для многих, пускай даже не сразу понятное, укрупняется, приобретает личность, характер, общественную репутацию. Его замечают, с ним спорят, наконец, его любят... Каждое такое начинание — это вход в бесконечный ла-

биринт социального мира, где каждая встреча — событие. Сегодня вокруг социальных инициатив возникает множество дружеских объединений — клубов в том значении, которое сохранил словарь Даля: «постоянное общество, которое собирается в особые помещения». Правда, помещения есть не у всех, да и то — комнатка или подвал, предоставленный милостью домоуправления или другого столь же ненадежного мецената. Здесь читают стихи, обсуждают музыку и реформы, ищут сподвижников для необычайных проектов. А клубы — «типы строений» стоят подчас в стороне от этой кипучей жизни, общественная инициатива поддерживается здесь, к сожалению, не часто...

«Самодельное объединение социальных новаторов, граждан и специалистов с целью сбора, изучения и поддержки народных инициатив» — так формулирует свою задачу наш Клуб социальных инициатив. Социологов, рабочих, студентов и даже школьников, вошедших в КСИ, объединила уверенность, что точек зрения на жизнь столько же, сколько самих жизней, и согласие в обществе достигается как на основе совместных ценностей, так и на праве каждого предложить, отстоять и доделать что-то свое. Другие пути — бесплодны. В этом смысле, «нелепых» инициатив нет. В рамках законности и добрых нравов ничья оценка не должна быть помехой для того, чтобы довести дело до конца. И тогда обнаруживается, что людские начинания — не анархическая смесь. Они сосредоточиваются вокруг решения важных для общества проблем. Мы называем эти центральные проблемы «общественными проектами» и стремимся выделить их в потоке предложений. Инициатор — соавтор общественного проекта, участвующий во всенародном продумывании жизни в общих моральных переживаниях. Не сам он, ни какой-либо отдельно взятый общественный клуб, как правило, не может самостоятельно «поднять» действительно серьезный общественный проект. Нужны встречи инициатив. Именно эта деятельность и стала «профессией» КСИ.

Проектов мы не придумываем — они находят нас сами. Вот, например, пришли к нам изобретатели игры в «хэб» (тонкая психологическая игра с теннисными мячиками — изобретение московских школьников). Почти одновременно с ними в КСИ обратился инициативная группа по образованию федерации спорта для инвалидов. Инвалидных видов спорта совсем немного, и оказалось, что «хэб» по многим признакам может пополнить список. Из этой мленькой, но очень важной для нас встречи родилась идея проекта «Милосердие»: благотворительной деятельности с участием неформальных общественных групп. Сегодня в этом проекте участвует газета «Собеседник», кооператив «Мастер», некоторые солидные общес-

ПРИОРИТЕТ

венные организации. Это значит, что мы сыграли свою роль социального посредника.

Так возник и проект «АРХЭ-Москва» — концепция охраны обитаемого городского пространства, распространения демократического контроля обществу на эту беспокоящую многих сферу. И тут не обошлось без межклубных встреч. Первый шаг «АРХЭ» состоял, например, в том, что КСИ познакомил лидера группы добровольцев, участвующих в восстановлении памятников культуры, — защитников Щербаковских палат Кирилла Парфенова с клубом-мастерской альтернативного проектирования «Город будущего». Со временем участники последней включились в плодотворное сотрудничество с щербаковцами.

— Кто же мы все-таки, толпа или общество? — размышляет один из основателей КСИ социолог Григорий Пельман. — И первое, и второе. Но путь от толпы к сообществу пролегает через формирование многообразных устойчивых связей по горизонтали, между людьми и группами людей. Между тем складывавшееся десятилетиями неверие в межличностную горизонталь, подпитывало веру в вертикальные связи, преимущественно директивные. Мы часто не находим друг друга, живя по соседству. Мы выдвигаем одну и ту же инициативу, которая в силу нашей разобщенности не становится общей. Мы живем наедине со своими идеями и ждем сильную руку с небом. Не хватает общения, сведений о социальных предложениях, недостает единомышленников. Скорая служба ОЗ мчится на помощь к больному, так и социальная боль нуждается в своей скорой помощи, в службе социальных посредников! Клуб социальных инициатив — эксперимент по созданию такой службы. Первый шаг...

«Уважаемые члены КСИ! Ваше предложение участвовать в работе над общественным проектом «Самоуправление» заманчиво, но пришло слишком поздно. Сегодня остается лишь сожалеть, что моя успешность уничтожила целый труд: расчеты, догадки, решения... Но представьте, каково было мне, когда я напрасно пытался заинтересовать этой темой газету, друзей, мужей науки...» (Анатолий Шаулов, г. Баку).

Это не единственная из грустных историй, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Общественные инициативные группы практически лишены информации друг о друге: методические центры, подобно «черным дырам» астрофизики, поглощают все сведения о клубах, ничего не отдавая обратно — в ту среду, которая только в них и нуждается. Информация превращается в бесполезные «показатели» и уплывает коридорами в непроглядную ведомственную даль. А ведь быть осведомленным друг о друге — это минимум, без которого самодельной среде просто не выжить.

«Общественные инициативы — перестройке» — под таким лозунгом проходила информационная встреча общественных объединений и клубов «Диалог», организованная КСИ при содействии Московского городского комитета партии в августе прошлого года. Это официальное название, а в разговорах чаще звучало: «встреча неформальных клубов». Правда, слово «неформал» до недавнего времени употреблялось с некоторым негативным оттенком, хотя оно, в сущности, обозначает лишь то, что человек действует, не входя в состав какого-то из формализованных объединений. Надо сказать, что был сделан довольно необычный шаг: с самого начала конференция проводилась не под чьей-то эгидой, а самим оргкомитетом, горком партии только оказывал содействие в решении организационно-технических и материальных вопросов, его представители присутствовали на самой встрече. Проходила конференция чрезвычайно бурно. Как оказалось, демократию каждая группа понимает по-своему, в основном в свою пользу. Но постепенно, от первого до последнего (четвертого) дня встречи, клубы, которые поначалу воспринимали себя как некие изолированные индивидуальности со своими целями, задачами и завышенной часто самооценкой, почувствовали, как мне кажется, что все они — часть единого целого, участники перестройки как общественного движения...

Как часто приходится слышать удивленное:

— Зачем вы координируете «неформалов»? И что такое ваши самостоятельные группы? Значит, те, кто собирает марки и общается с себе подобными, — это уже общественная группа? Чепуха все это.

Возражать в данном случае едва ли имеет смысл. Да и возразить не просто. В самом деле: поле дает хлеб, шахта — титан и уголь, институт — идеи (все это, разумеется, в идеале...). А что имеет общество от «самодельщиков»?

— Как это «что»? Социальную ткань: прочные, переходящие из поколения в поколение формы человеческого общения! — это говорит Леонид Кононенко, работник московской милиции, самобытный философ и организатор земледельческой семейной коммуны под Москвой. — Мы, кажется, забыли о смысле слов, которые часто повторяем: «Человек — существо общественное». Творчество форм общения — самостоятельная потребность людей, которую недооценивают, отводя ей лишь «досуг», время после работы.

Бесспорно: самодельность неделима на труд и досуг, ибо в основе ее — гражданский суверенитет советского человека. Она отнюдь не средство подштопки ведомственных дыр: если автор не теряет с ней кровной связи, не вынужден передавать свое дело в чужие, безразличные руки. Инициатива становится социальным мотором — и вытяги-

вает все. Она эффективна только в том случае, когда эффективности с нее не требуют наперед: она эффективна непредсказуемо.

...Хрестоматийный пример: двое молодых ребят экспериментируют у себя в гараже с электронными играми для подростков и однажды выпускают на свет нечто странное: игра — не игра, ЭВМ — не ЭВМ, компьютер, но простенький, слабосильный, для которого и программист-то не нужен... Читатель понял, наверное, я рассказываю историю появления первого персонального компьютера «Эппл», открывшего эру микрокомпьютерной революции. Для нас интересен один только аспект темы: никто из них не был Винером, и то, что сделали они, строго говоря, не открытие. Персональный компьютер мог построить и средней руки специалист: но зачем? Кому нужна эта полуигрушка? Ни один эксперт не взял бы в то время на себя ответственность за ее выпуск на рынок: некоммерческая затея!

Именно поэтому делом государственной важности представляется мне сегодня открыть простор всем самобытным проявлениям личности, возобновить полное социальное доверие. Доверию — приоритет!

Кто-то предлагает нетиповой кооператив? Пускай создает кооператив. Вы беретесь отреставрировать дом и жить в нем? Пожалуйста! А в дззовском полуподвале создать отечественную систему машинной графики? Пробуйте!.. Простор развития инициатив превращает их в очаги органической перестройки, выявляющей силовые поля интересов лучше любого теоретика.

«Я считаю, что причиной возникновения многих наших недостатков является болезнь разновидения. Именно этим страхом, вписаны некоторые пункты в уставы общественных организаций, и они-то обрекают на одиночество тех, кто видит иначе» (Геннадий Кириченко, г. Новотроицк, Оренбургской обл.)

Итак, если подытожить, к чему ведет нас любительское движение — движение социальных инициатив? В нем, согласитесь, есть нечто странное, что не лезет ни в одни ведомственные ворота. В чем проблема инициативы? В том, что это конкретные действия, предпринимаемые вне рамок существующих административных форм. Выходит, перед нами нечто небывалое? Что же?

Люди хотят — и могут. Ставят проблему — и создают организационную основу для действий. Происходящее на наших глазах — это, на мой взгляд, не что иное, как восстановление достоинства Советской власти в полном развитии демократии, необходимых для ее осуществления правовых форм и социальных подспорий.

Москва

На гребне всплеска общественной, клубной активности сегодня рождается множество инициативных групп, общественных объединений, неформальных клубов. Как видно из писем, поступающих в редакцию, они мало что знают друг о друге, никак не связаны между собой, а часто и с профессиональным культпросветом. Вот почему мы решили открыть «ПРЯМУЮ СВЯЗЬ», которая, как мы надеемся, даст возможность неформальным подвижникам клубного дела высказаться, заявить о себе и своей программе, а также поможет найти единомышленников. Ждем ваших заявок и писем, друзья! Объявления, программы, манифесты и пр. принимаются в письменном виде и по телефону: 120-71-90.

Нынешнее движение за спасение памятников истории и архитектуры в нашем городе началось два года назад. Множество объектов мы, добровольцы, восстанавливали своими руками. Работа трудная, «черная». Какая же сила заставляет нас этим заниматься? Думаю, что большинство привлекают не только памятники, но и надежда разрешить здесь какие-то свои, внутренние, сугубо человеческие проблемы. Но, очевидно, нет такой личной проблемы, которая бы не была и социальной. Люди приходят на наши субботники не просто для того, чтобы убирать мусор и таскать камни. Они приходят, устав от одиночества, от сознания бессмысленности своей жизни, надеясь найти друзей, единомышленников, общее доброе дело. И это характерно не только для нашего движения за восстановление памятников.

Общаясь с различными молодежными клубами, возникающими сейчас, как грибы после дождя, я часто наблюдаю такую картину: сначала — радостное возбуждение, даже эйфория от новых встреч, знакомств. Новые мысли, чувства, надежды, планы. Потом — застой, кризис и — либо пустое прозябание, либо вообще распад. Все больше убеждаюсь, насколько всем нашим нынешним клубам не хватает главной объединяющей идеи. Мы не умеем общаться, не умеем думать, не умеем не только решать, но даже ставить перед собой действительно серьезные проблемы. Мы не приучены к настоящей неформальной, деятельной общественной жизни, не привыкли верить, что действительно можем решать проблемы общества, страны, человечества. Мы не верим в самих себя.

Отчего разрушаются памятники? Мы

считаем, что главное — не физические причины. Что-то слишком разрушилось в человеческой памяти, в человеческом сознании — как индивидуальном, так и общественном. Причины разрушения памятников и кризисных явлений в культуре — в социальной и духовной сферах общества. А мы, наивные люди, до сих пор боремся со следствиями, а не с причинами. Главное в нашем движении — не то, что мы работаем на памятниках архитектуры, а то, что делаем это сугубо добровольно, безвозмездно, то есть на коммунистических началах, участвуя в настоящем общественном творчестве.

Революционная перестройка невозможна без радикальной переоценки ценностей. И не надо этого бояться. Наше движение за памятники и за культуру — это только часть разворачивающегося всенародного движения за революционную перестройку всех сфер жизни нашего общества.

В. Веретенников,
представитель группы «Новый Мир»,
руководитель отряда
добровольцев-реставраторов,
работающих на Мойке, 12
(квартира А. С. Пушкина)

г. Ленинград

Клуб защитников природы «Экополис» ставит своей целью спасение уникального природного и архитектурного уголка бывшего Подмосковья Косино (ныне в черте города), которому грозит превращение в безликий «спальный район» новостройки. Создана научная междисциплинарная неформальная лаборатория, специалисты которой изучают историю, архитектуру, природу района. На основе исследований лаборатории предполагается восстановить в Косино существовавшую до Великой Отечественной войны заповедную территорию. Задача клуба — объединить жителей района, руководящих работников, научных сотрудников и специалистов в общем экологическом движении.

«Экополис» — это один из путей преодоления тяжелых противоречий цивилизованного одиночия людей, замкнутых в своих жилых ячейках, отчужденных от природы и друг от друга. Мы стремимся к организации свободного времени в атмосфере доверия друг другу, готовности к посильному вкладу каждого в творческое жизнеустройство, к совместному труду по восстановлению памятников материальной и духовной культуры.

«Экополис» зарегистрирован при клубе Косинского производственного трикотажного объединения.

Адрес: Москва, Косино, ул. Б. Косинская, д. 23. Телефон: 171-90-08, доб. 2-26.

Я и мои друзья хотим установить контакт с молодежными клубами, тяготеющими не к развлечениям, а к размышлениям. Хорошо бы обмениваться идеями, темами, адресами...

В. Солодских,
руководитель клуба «Диалог»
Дворца культуры профсоюзов
г. Ставрополь, ул. Ленина, 251

«Неформалы» Таганрога.
Фото В. Морозова

ЖДЕМ

ВАШИХ ЗАЯВОК И ПИСЕМ,

ДРУЗЬЯ!

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ

МАНИФЕСТЫ И ПР.

ПРИНИМАЮТСЯ

в письменном виде

И

ПО ТЕЛЕФОНУ

Нас интересуют проблемы, возникающие на стыке разных типов мышления — научного, художественного, обыденного, мифологического... Направленность на синтез разных познавательных способностей отражается

в названии и эмблеме клуба: буквы О и М, вписанные друг в друга, символизируют целостную, «округлую» сущность Образа и расчленяющее, «зигзагообразное» движение Мысли в их творческом взаимодействии. Напомним также, что слово ОМ — сокращенное название клуба — символизирует в одной из древнейших традиций (индийской) единство и взаимопонимание всех духовных существ, тот идеал, к которому мы стремимся.

При клубе создан Банк новых идей и терминов, а также Экспертный совет, на обсуждение которого выносятся интересные гипотезы и концепции, преимущественно в гуманитарных областях (философия, эстетика, социология...). Здесь проводится их защита, после чего идея, обладающая определенной общекультурной значимостью, принимается на хранение в Банк в виде краткой экспозиции. Таков один из способов реализации основной цели клуба — способствовать развитию новых принципов мышления во всех областях современной культуры, обеспечивать условия для разработки, оформления и распространения оригинальных идей, выдвигаемых на границах разных научных дисциплин и творческих профессий.

Регулярно в клубе проводятся вечера свободного авторского участия, на которых любой желающий может прочесть свое литературное произведение и выслушать его оценку. Особый интерес вызывают выступления известных в молодежной среде поэтов и прозаиков,

представляющих новые направления в современной литературе: Ивана Жданова, Ольги Седаковой, Дмитрия Пригова, Льва Рубинштейна, Виктора Ерофеева, Евгения Попова и др., а также критиков, эссеистов, ученых-гуманитариев: Льва Аннинского, Вадима Рабиновича и др.

В клубе устраиваются творческие встречи с представителями других клубов, любительских объединений, неформальных групп, художественных коллективов, с поэтическими клубами «Кристалл», «Московское время», «Поэзия», с «Клубом авангардистов», с театром-студией «На досках»...

На общественных началах создается Библиотека сложной книги, включающая труднодоступные издания по философии, социологии, эстетике, культурологии.

Все, кто интересуется общими проблемами художественного и научного творчества, кто хочет углубить свои познания в современной культуре, познакомиться с новейшими направлениями в искусстве, философии, эстетике, обсудить свои литературные произведения или творческие идеи, приглашаются стать членами клуба.

Руководитель клуба — Михаил Эпштейн, критик, литературовед, эссеист, член Союза писателей СССР. Организация-учредитель — библиотека № 175 Севастопольского района г. Москвы, заведующая — Софья Михайловна Олинова.

Заседания проходят каждый понедельник с 19 часов по адресу: Москва, Новочеремушкинская ул., 4, кор. 2, проезд: м. «Академическая», далее пешком или авт. 115, 119 до ост. «Торговый центр». Справки по телефонам: 126-67-94, 126-23-22.

«Прямую связь» ведет корреспондент журнала
Е. Мариничева. 11

КАК ТЫ ПОНИМАЕШЬ ВЫРАЖЕНИЕ „РАДОСТЬ ТРУДА“?

В. ЭРВАЙС

Разрушаются старые районы Тобольска с их неповторимой архитектурой. Бесценные памятники российской истории — в удручающем упадке!

В конце 60-х годов специальная конференция ученых Сибири и Дальнего Востока заложила основы для «Свода памятников истории и культуры» города. С середины 70-х здесь начали строить Тобольский нефтехимический комбинат. Параллельно с комбинатом рос новый город.

В июле 1987 года Тобольск отпраздновал свое 400-летие. И стихнувшие было к тому времени призывы о помощи древнему городу зазвучали громче, требовательнее.

И нашлись конечно же люди, выразившие свою заботу о будущем примет славного прошлого Сибири в конкретном большом деле. О них, объединившихся в тобольском клубе «Добрая воля», рассказывает кинорежиссер, сценарист Владимир Эрвайс. Большинство его документальных кино- и телефильмов, книг, очерков — о Сибири, Севере, Дальнем Востоке, проблемах экономики, экологии, культуры и социального развития этих регионов, о человеческих судьбах, неразрывно связанных с ними.

рошла «Добрая воля»

сквозь «огни и воды» — теперь сохранить бы ей себя в звучании «медных труб». Ведь вот-вот отфанфарится юбилей Тобольска, «Добрая воля» послужит кому-то «лыком в строку» в отчетных реляциях. А что потом?

В моем архиве, среди материалов по проблемам Сибири и Крайнего Северо-Востока лежат письма из Тобольска, обычные и звуковые, записанные на пленку. Тревожные и размышляющие письма людей деятельных и упорных.

Захарова Людмила Николаевна: «В Тобольск приехала на стройку Нефтехима в 1975 году. Инженер-дорожник, 12 лет — в командировках: Нижневартовск, Мегион, Лангепас... Возвращаясь в Тобольск, радовалась новостройкам, любовалась памятниками архитектуры. И не сразу рассматрела, в каком запустении и разрухе находится старая часть города. Да, велись реставрационные работы в кремле — взгляд приезжего человека успокаивался. Но я уже не была приезжей, и мне стало больно».

Возводились «с иголки» микрорайоны, ежегодно тысячи семей праздновали новоселья. Улицы подолгу не имели названий. Микрорайоны стояли безымянные, под номерами. В новом доме получила отдельную квартиру и семья Захаровых...

«... Читала, размышляла: от Ермака Тимофеевича и письменного головы Данилы Чулкова до декабристов и петрашевцев Тобольск — хранилище народной памяти. Почему же так медлят реставраторы — средств мало? Но мизерного процента от осваиваемых здесь строителями средств с избытком хватило бы реставраторам! Толкалась в приемных, пробивалась к руководителям Нефтехима — у всех свои заботы. Обо всем — только ни о старом городе. Поняла: микрорайоны Нефтехима — это как бы «посад за городской чертой». Отцы города тоболяками не стали — временщики. Реставраторы — не по их ведомству».

Люда после школы два года работала в газете «Советская Эвенкия» и свято верила: вот-вот настанет время, о котором мечтал В. И. Ленин, — «время творческой зрелости масс»... Училась в Сибирском автодорожном институте, стала инженером — работала и всему и всем верила. Откликлась, загоралась...

«Мечтала: в церкви Петра и Павла состроим Музей декабристов — рядом Завальное кладбище с могилами Барятинского, Башмакова, Вольфа, Кюхельбекера, Муравьева. Дома стоят: на улице Семакова — Муравьева, декабриста Сви-стунова — на улице Ленина, Фонвизина — на Большой Октябрьской... Отец свято почитал декабристов, мучеников российской истории, и меня с детства приучал. Теперь я ответственная за па-

мять о них перед своими детьми. Сын взрослый, учится в Омске, а Катерина при мне — школьница...

Места я себе не находила. Придумала даже ездить в автобусах в часы «пик» и в толчее призывать людей объединиться в помощь реставраторам.

Потом пошла к ним: «Нужны вам наши субботники?» Пожимали плечами — равнодушно, неопределенно. Поддержала подруга по работе — Галя Ямченева, не дала пасть духом. Тут — удача: встретилась с ведущим специалистом Росреставрации Борисом Прокофьевичем Дедушенко. Он, пожилой человек, москвич, очень нам обрадовался: «Нужны, ох как нужны! В Москве к нам приходят тысячи! Надеюсь — и в Тобольске «возгорится пламя!»

Вдохновились, принесли в местную газету заметочку — приглашение на субботник: «Тем, кто любит город». И первого февраля 1986 года на наш субботник пришли 24 человека».

«Членом клуба «Добрая воля» может стать любой гражданин города Тобольска — и гражданин всякого другого города, — активно участвующий в рабочих субботниках на объектах реставрации архитектурных памятников. Прием в члены клуба производится по специальному ритуалу после пяти отработанных по чести и совести субботников. Правило относится и к коллективным членам клуба «Добрая воля» — группам учащихся, школьным классам, производственным бригадам...»

Пришло время: клуб «Добрая воля» известен теперь всему Тобольску. И Людмилу Николаевну Захарову все знают.

«Казалось бы, признали нас — состоялась «Добрая воля». И так, и не так! Посильно помогаем реставраторам, работаем на совесть. Но и теперь не нужны мы городским властям. К примеру, главный архитектор города. По сути, он ответственнейший страдалец за судьбу города — старого и нового, за те 73 памятника истории, культуры и архитектуры Тобольска, внесенного в число 115 городов-заповедников Советского Союза! А у нас за десять лет сменилось — не ошибиться бы — четыре таких главных! И каждый по-своему «наследил» в городе: кто стадион у кремлевской стены соорудил, кто бетонный памятник Победы посреди старой архитектуры задумывал...»

Появилась «Добрая воля». Сблизиться бы главному архитектору с новым клубом, побывать бы на наших субботниках, в душу «Доброй воли» вникнуть! Не посчитались бы мы с уставом — приняли бы такого знатного человека в клуб без обязательных пяти субботников. И, став клубу учителем и вдохновителем, приобрел бы он себе чуть ли не роту умелых, работающих внештатников! Но не пришел к нам главный архитектор. Да только ли он? Ни одного работника горкомов партии и комсомола,

КАК ТЫ ПОНИМАЕШЬ ВЫРАЖЕНИЕ „РАДОСТЬ ТРУДА“

Алексей Кугаевский.

«Добрая воля» мечтает: в бывшей церкви Петра и Павла создадим музей декабристов.

горисполкома — в том числе и отдела культуры — в «Доброй воле» нет...»

В день первой годовщины «Доброй воли» из двадцати четырех ее ветеранов в строю осталось четверо. Но пришли новые и работали от души. Еще в июле 1986 года клуб вручил свой сотый значок — «Конька-Горбунка», автор которого писатель П. Ершов — уроженец Тобольска...

В клуб «Добрая воля» вступают семьями. На субботники родители приходят с детьми. Школьники — даже первоклашки! — частенько приходят на реставрационные объекты с классными руководителями. Дело по силам, способностям находится всем. И всем интересны разговоры взрослых о «делах давно минувших дней».

Из письма члена клуба «Добрая воля» мастера научно-реставрационных мастерских Насимы Шовкатовны Аллиевой:

«... Мои дети, Гульнара и Рустам, — полноправные члены клуба. Дочь учится в шестом классе и в музыкальной школе, сын — в пятом классе и в художественной школе. Рустам время от времени в субботу сбегает с последних двух уроков на объекты. Я шумлю, ругаюсь, а он мне: «Я не ребенок, а член клуба — раз. Здесь мне интересней, в школе такого никогда в жизни не узнать — два. Здесь дядя Леша — это три!» И я в душе его понимаю.

Леха-десятичник — так мы в узком кругу зовем мастера-костореза Алексея Кугаевского, молчуна и умельца. Он собрал дружину добровольцев-плотников, развернулись они в Квадратной башне кремля. Еще Минсалим Тимергазеев, «в миру» просто Миша. Известный миниатюрист-косторез, член Союза художников, он преподает в той художественной школе, где учится Рустам. Эмоциональный, яркий рассказчик, Миша многое дает моему сыну...»

Насима Шовкатовна в «Доброй воле» сравнительно недавно. Перед тем она, техник-строитель, много ездила по сибирским стройкам. О «Доброй воле» услышала от начальника: «На ваш объект (церковь Михаила Архангела) выйдут в субботу помощники из «Доброй воли». Подготовьте им фронт работ!» И они пришли, и была работа, беседы с Захаровой...

«В молодости, в комсомольском возрасте меня никто куда не вовлекал — ни в школе, ни в техникуме. Я была застенчивой. А потом, на стройках в тайге, у нас комсомола-то не было. Даже на учет негде было встать. Так и выбыла — по возрасту. А тут, с «Доброй волей», активной, деятельной стала. Делаем работу чернее черной, отвращающую реставраторов. Они — специалисты! А в «Доброй воле» кто? Врачи, инженеры, учителя, конторские. А работы здесь!!! К примеру, из помещений церкви Михаила Архангела с площади более 260 квадратных метров (в глубину — свыше метра, до двух) мы подняли, пе-

ребрали и вынесли уплотненный за многие десятилетия осадочный грунт. Битый кирпич, разложившаяся штукатурка, грязь. Были там и захоронения, и ценные археологические находки, но в основе — грязь и тлен. Ну, подумала, после такой работы они больше не придут. А пришли все! Для них это не грязь, а напластования культурных слоев! Сотни и сотни тонн — в носилках, на руках. Наша контора им даже рукавицы не выдает! И после такой-то работы — славные вечера-посиделки: пельмени, самовар, сердечное общение. Вот что накрепко привязало меня к «Доброй воле». Читала: «Клуб — место общения людей». Так-то так, но и рынок тоже место общения. Наш клуб — место высоко нравственного, духовного общения. Я и читать стала запоем...»

Музей-заповедник принял «Добрую волю» — особой строкой — на свой счет в Госбанке. Заработанные на субботниках средства («ДВ» работает теперь не только по субботам, но и по воскресеньям) сохраняются, траты производятся только по решению общего собрания клуба: купили магнитофон, запас киноплёнки для аппарата кинолюбителя-летописца Тимергазеева, заказали в типографии художественно оформленные бланки-грамотки клуба. Деньги бегут...

«Реставраторы теперь не знают, как от нас избавиться. До нас им спокойней жилось: мастеров у них мало, каменщиков, знающих старинную кладку, к примеру, всего-то с десяток, а на черную работу и вовсе некого ставить — вот и оправдание. А мы появились, дружные чернорабочие, махом готовим площадки для мастеров. Очищенную площадку надо сразу реставрировать, иначе — вред еще больший... Они и рады бы нас лишиться работы, но поздно: в городе нас знают».

... Алексей Кугаевский на людях не речист. Но пришлось мне побывать в его доме — в старой бревенчатой избе в Нижнем Посаде. Мне нездоровилось, продрог на сквозняках в реставрируемой церкви, и Алексей привел к себе — напоить чаем.

В доме тепло, царит стойкий запах старого дерева и свежих масляных красок. Безмелбель — простор невысоких комнат. На стенах — Алешина живопись в рамах, на полках и на полу у стен — деревянные скульптуры. Врезался в память бородач, присаженный с ремешком-перехваткой в волосах сибирский мужик-мастер с топором. Сотворяя крупную деревянную скульптуру, Алексей остается верным традициям тобольских косторезов — смещенности пропорций, искусности в проработке деталей. Видел я работу Алексея в цехе Тобольской фабрики косторезного художественного промысла: он ваял того же мужика — смешного и грустного Мастера.

Род Кугаевских вышел из ссыльных поляков, они полтора века в Тобольске. В школе Алексей увлеклся рисованием и литературой. Но поступил в мореходное училище. Техника-механика по рефрижераторным установкам распределили на Сахалин, порт приписки — Невельск.

«Ходил я в составе экипажа морозильного траулера в бухту Нагаева к Магадану. В 1978 году приехал домой в отпуск — и остался. Потянулся к краскам, дереву. Пошел на фабрику к прославленному мастеру-косторезу, показывал работы. Меня приняли. Женился, жена — мастер-косторез. Родился Дим-

ка... Тут потянуло жену с ее отцовской семьей в отъезд — подался на рудник Ирба в Красноярский край. Деревня в тайге, малолюдье, тишь. Мама моя умерла — примчался я в Тобольск, схоронил... Отцу-фронтовику дали новую городскую квартиру, а дедов дом оставался бесхозным... Прочитал в газете о «Доброй воле», позвал друга Мишу Тимергазеева, сходили на субботники, выложились от души.

«В «Доброй воле» отвожу душу. Помните, у Данте: «Земную жизнь пройдя наполовину, я очутился в призрачном лесу»? Вот и мои тридцать лет миновали, а я все в смятении, что-то все гнетет, волнует. Свое «я» волнует, Тобольск волнует — каким будет он, каким буду я?»

У академика Лихачева: «Память должна быть действенной, памяти нужны пристанища, она не может быть бесприютной». Да, кремль реставрируют — он будет. Проведут новую набережную над Иртышом, от кремля к новому центру, детищу Нефтехима. По идее градостроителей, как слышалось, это-то и будет новым Тобольском. А как с Нижним Посадом, с его памятниками каменного и деревянного зодчества? В безвестность канет? Опять же у академика Лихачева: «Если мы не будем по-настоящему чтить память наших духовных предков — забудут и нас». Вы хотите, чтобы вас забыли? Я — нет. И другие — многие — не хотят. Так отчего же бездействуют? Теперь и не знаю — есть ли они, коренные тоболяки. За год — только сотня членов «Доброй воли»...»

В истории Тобольска более двух веков сохраняется память о братьях-ямщиках Черепановых. Чем прославились — песней ямщицкой, службой почтовой? Нет, ямщики Черепановы были еще и строителями, резчиками иконостаса, иконописцами. Они возвели каменную церковь Михаила Архангела — на народные пожертвования — на месте сгоревшей деревянной. Первая в Сибири церковь с наружной лестницей-входом, первый и яркий образец «тобольского барокко».

В 1715 году вознесли Черепановы над нижним посадом храм — и вот сегодня трудится здесь «Добрая воля», помогает реставраторам. Знают, верят — здесь будет Тобольский художественный музей, в его фондах будут храниться работы Минсалима Тимергазеева — те, что сейчас в витринах Тюменской художественной выставки. И Алексей Кугаевский доведет до высокого совершенства своего мужичка-сибирячка с топором...

Рассказывали, дед Бориса Эрстова — личнейшее своего времени! — разрушал ценнейшие храмы Тобольска. Внук, научный сотрудник музея-заповедника, ратует за сохранение оставшегося, член «Доброй воли». Он разработал план-схему города, составил «Обоснование историко-культурных зон города Тобольска, подлежащих сохранению, реставрации и музеефикации». Вот только не знал совет клуба, как представить эти документы мэру города, новому человеку. Прошлый, пережитый, С. Е. Лебедин, на послания «Доброй воли» не отвечал.

Аркадий Григорьевич Елфимов принял меня в полдень, в свой обеденный перерыв. Рискнув, я пригласил на эту встречу Бориса Эрстова. Он подготовился к краткому докладу.

В назначенное время в кабинет пред-

седателя горсовета вошел я один. И вопрос к Аркадию Григорьевичу у меня был один:

— Как вы лично относитесь к «Доброй воле»?

— Знаю о ней из газет. Лично не знаком — руки не дошли. По-моему, интересные люди, но не по делам возросла их слава. Познакомлюсь — будет у меня к ним личное отношение...

— Они интересны не только делами. Дорого их неравнодушие, планы и замыслы. Хотите убедиться в том, что размах клуба перспективен? Разрешите пригласить? Входите, Борис Олегович...

Эрстов превзошел себя! Вволнованный, смущенный «аудиторией по-партизански», он четко, впечатляюще изложил дело. И Аркадий Григорьевич зажегся, заинтересовался, задавал вопросы, предложил Эрстову подготовиться к докладу на активе исполкома.

Через три дня прибежал Эрстов: «Активу доложил! Принято решение вынести наш план на сессию горсовета!»

Не простой разговор в горкоме комсомола. Второй секретарь — острый, голубоглазый. Убедленно и громко излагал проект: горком объединит все неформальные клубы — «Любителей кино», литературные, «Добрую волю» и брейкеры — под своей эгидой, со своим счетом в банке. Все будет организованно, подконтрольно, руководимо!..

Не удержался я:

— Набегут на счет денег, закажете духовой оркестр и... торжественно похороните «Добрую волю!» Не нужен им общий с брейкерами счет в банке. Им нужна ваша помощь в организации новых подразделений — коллективных членов «Доброй воли». Поднимите комсомольцев исторического факультета пединститута, заводских и цеховых организаций Нефтехима, строительных управлений, воодушевите, вооружите инструментом и техникой, обеспечьте спецодеждой и рукавицами, флагами и вымпелами. Чтобы командиры докладывали «маме» Захаровой: «Готовы принять объект реставрации такой-то и тогда-то!»

Известно, само собой совершается только плохое. Хорошее всегда требует усилий, личной самоотдачи. Так — от веку, и после нас так будет: если поступилось мужество — подступает трудность, прекращается движение — начинается застой. И если не поиск — то догма. И каждое новое поколение начинает не с пустого места, а наследует мир предыдущего. От родителей к детям передается накопленное — кому страсть к движению, готовность к подвигу, а кому застой, обывательщина.

Поздний вечер. За окном мартовская пурга. Людмила Николаевна Захарова засобиралась.

— Были святая «Народная воля», добровольцы гражданской и Отечественной. А у меня еще и свое, из детства: в начале тридцатых папа организовал колхоз и руководил им до финской войны — первый был в Исилькульском районе колхоз, сплошь из бедняков — не было в округе ни крупных помещиков, ни богатеев, подлежащих раскулачиванию. Объединились бедняки и выпестовали крепкое хозяйство, единодушный коллектив. И я родилась в том колхозе, там с мамой в войну бедовали — как все. Память об отце как-то слилась во мне с этим колхозом.

— Как назывался колхоз?

— Так я же сказала! «Добрая воля»...

г. Тобольск

... Он, собственно говоря, не собирался быть ни организатором, ни критиком, ни журналистом. Как и многие из его поколения, Алексей Баташев просто очень любил эту музыку и стремился ее играть. В Физико-техническом институте, куда он поступил в семнадцатилетнем возрасте, сразу же записался в любительский

духовой оркестр. Хотел стать трубачом, но вместо трубы получил в руки кларнет. Быстро освоил инструмент и нотную грамоту. Играл все, что положено, — вальсы, польки, марши. Потом попробовал саксофон. Это был, по тем временам, самый модный инструмент (в то время, как, например, на контрабасе никто не умел и не хотел играть — тихий звук, заглушаемый к тому же большим барабаном. Микрофонов еще не было).

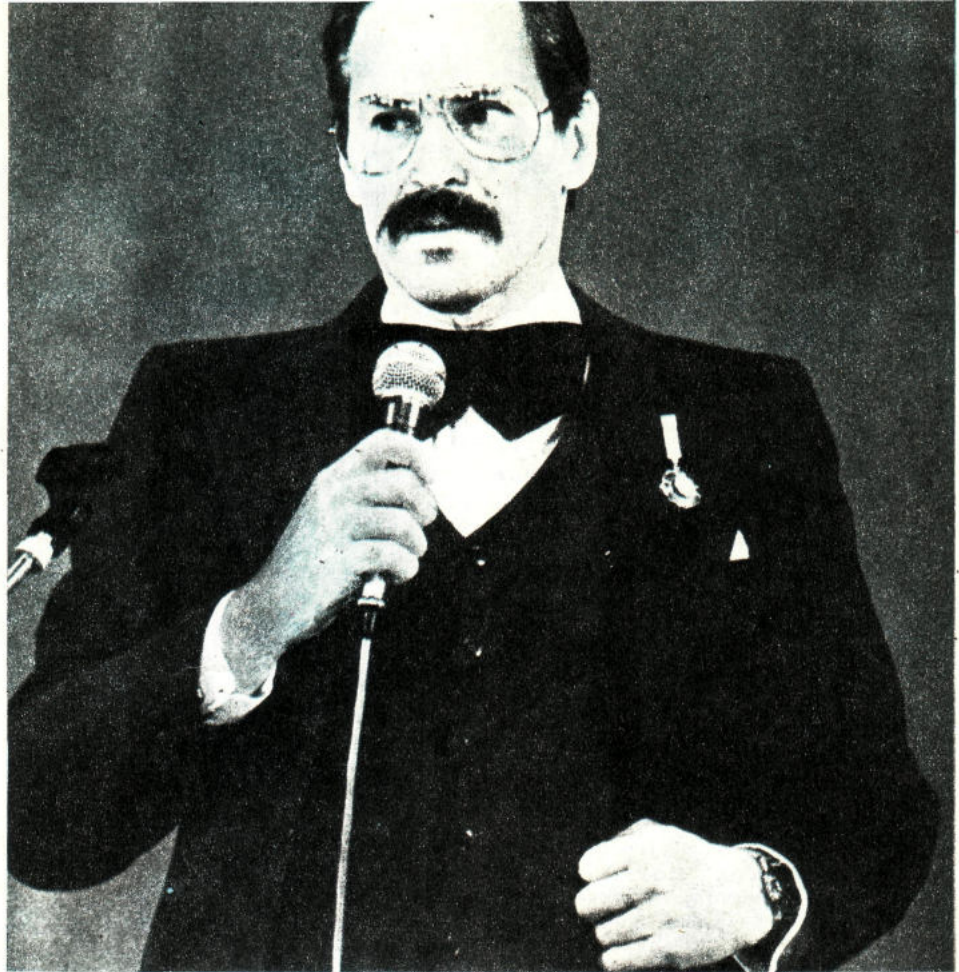
Ситуацию с джазом в 50-е годы можно было бы назвать неестественной. Существовали довоенные пластинки с записями Утесова, Цфасмана, Дюка Эллингтона. На слуху были фильмы «Веселые ребята» и «Серенада солнечной долины». Однако в конце 40-х годов эволюция джаза была как бы искусственно приторможена — эта музыка не звучала ни по радио, ни в концертах, разве что для развращения «их» образа жизни в кукольном спектакле «Под шорох твоих ресниц». Единственной сферой, где джаз существовал, была танцплощадка.

Освоив саксофон, Алексей скоро познакомился с «биржей». Так называлось определенное место, некий пятачок асфальта — сначала на Неглинной, потом у ресторана «Метрополь» — где между тремя и пятью часами дня встречались музыканты. Сюда же приходили заказчики, приглашавшие сыграть на институтском вечере или на свадьбе. Ансамбли сколачивались чаще всего на одно выступление. Впрочем, все тут знали всех и играли вместе не раз. Гонорар за вечер для новичка был равен «старым» тридцати рублям. Более опытные исполнители получали пятьдесят. Большинство были студентами, и эти суммы были для них совсем не лишними.

Через биржу прошло все первое поколение московских джазистов. И Гарянин, и Зубов, и Товмоясин, и Рычков, и Козлов. Последний вспоминает: «Для многих из нас это была школа игры, где вырабатывались профессиональная хватка, умение играть без нот, на слух, в любой тональности...»

Людей, увлеченных джазом, в то время было много, среди них — немало талантливых, одержимых, готовых жертвовать ради своего увлечения любимыми жизненными удобствами. Лидером, однако, стал именно Баташев. Стал в силу своего характера. Какой же это характер? Однажды он не спал 72 часа подряд. Не просто не спал — работал без отдыха. Поджимали сроки, надо было сделать дело, и он его сделал.

Он выучил несколько иностранных языков — это было нужно ему не просто для общего развития, но и для того, чтобы свободно общаться с джазменами из разных стран (польское министерство культуры и искусства, кстати, наградило его почетным знаком «За за-

Воспоминания о клубе на Раушской,

ИЛИ О ТОМ,
КАК ОДИН ИНЖЕНЕР ВЗЯЛ В РУКИ
СНАЧАЛА САКСОФОН, А ПОТОМ
ПЕРО КРИТИКА

слуги перед польской культурой»). Он всегда целеустремлен, упорен, остроумен. Я помню 60-е годы — комнату № 229 в здании Гостелерадио на Пятницкой, где находился отдел эстетического воспитания радиостанции «Юность». Мы часто собирались по вечерам целой компанией — молодые журналисты, музыканты, актеры, набравшие известность исполнители самодельной песни. Устраивали импровизированные концерты — не для публики, для себя. Одним из популярных певцов той поры был актер театра на Таганке Боря Хмельницкий. Однажды мы долго просили его спеть, но он почему-то не хотел. «Я спою», — сказал Баташев и взял гитару. Он был «весь вечер на арене», песни шли одна за другой. Лёша оказался еще и прекрасным шансонье...

В этом — весь Баташев.

Немного забегаю вперед, скажу, что наряду с вещами приятными — признание в джазовых кругах, известность — он получал и тычки, и «указания», были

попытки вообще отстранить его от джазовых дел. Но за тридцать лет он не изменил любимому жанру ни разу. И еще маленький нюанс — у Баташева взрослая дочь и двое маленьких детей, одного из них он усыновил после несчастья с родителями ребенка.

А теперь вернемся в прошлое.

Август 1957 года, Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Среди его многочисленных мероприятий — международный конкурс джаз-ансамблей. Советские исполнители представлены биг-бэндом ЦДРИ под управлением совсем молодого тогда Ю. Саульского, тбилисским оркестром Политехнического института и эстонским ансамблем А. Рябова. Среди зарубежных — англичане, итальянцы, поляки, исландский квинтет, оркестр М. Леграна.

Лёша работает переводчиком с новозеландской делегацией. Но, услышав о конкурсе, все забрасывает и перемещается в его орбиту, что было не так-то легко: ажиотаж был величайший, пробиться на прослушивания было почти

нереально. Но когда очень хочется, никакие преграды не страшны. Баташев даже немного играет на международном джем-сешен, однако главным для него становятся знакомства. Узнает множество музыкантов — как наших, так и зарубежных. Он впервые видит джаз такого уровня, впервые ощущает, как исполнитель раскрывает себя в импровизации, как «рассказывает» о себе. Это было открытием и невероятным потрясением. Прежде он знал ребят, игравших приятную, поднимающую настроение, ритмичную музыку. А тут — философы с саксофонами. . . Последняя зарубежная новинка — «прохладный джаз» в исполнении таких музыкантов, как поляк Кшиштоф Комада или исландец Гуннар Орнслев! Не просто ритм, но — одухотворенное высказывание, диалог человеческих душ. . .

После фестиваля для многих, в том числе, и для Баташева, наступает перелом. Джаз становится чем-то большим, чем просто музыка. Некой духовной силой. И конечно, место, отведенное ему в иерархии культурных ценностей, начинает казаться ничтожно малым, совершенно не соответствующим его интеллектуальному весу.

Захотелось как-то перегруппировать имевшиеся в наличии силы, объединить их, проводить смотры, фестивали, обмениваться опытом.

В 1958 году организуют свой джаз-клуб ленинградцы. Формально — это был кружок из нескольких десятков любителей, существовавший при одном из Дворцов культуры. Объединение по интересам, как мы сказали бы сейчас. Реально — центр, сфокусировавший всю джазовую жизнь города. . .

Ленинградский опыт хотелось повторить в Москве.

И вот Лёша Баташев вместе с группой таких же, как и он сам, энтузиастов, инженеров и студентов технических вузов, начинает стучаться в различные двери. Первым откликнулся Бауманский райком комсомола. Борис Пастухов, будущий первый секретарь ЦК ВЛКСМ, поддержал идею: «Давайте, ребята, попробуем!..» Начать решили с объединения любителей джаза в некий «предклуб» под названием «Инициативный комитет по организации Московского джаз-клуба». Расположились в жэковском подвальчике на Басманной. Баташев написал устав, его друзья дежурили там, регистрируя первых откликнувшихся «болельщиков». Заполнялись анкеты, составлялись списки. Вскоре возникло ядро заинтересованных.

В это время пресса много писала о проблемах досуга, о комсомольском походе за культуру, участились рейды на танцплощадки, шла борьба с рок-н-ролом. «Крокодил» печатал карикатуры: стилига в узких брючках размахивает визжащим от ужаса котом. Подпись гласила: «Его любимая музыка». Были попытки создания первых молодежных клубов. Организовали такой клуб и в Кировском районе, на базе ДК «Энергетик» на Раушской набережной. Теоретически все в этой модели было разумно — секции туризма, фольклора, кройки и шитья, любителей классической музыки, джаза (в «джазовой секции») и обосновался Баташев со своей командой). Правда, вскоре выяснилось, что большинство секций существуют лишь на бумаге — как и всё директивно спущенное сверху и не подкрепленное нижней работой, они оказались мертво-

рожденными. Единственной живой секцией оказалась джазовая. Она-то работала. И как!

Генерировали идеи теоретики, публицисты, журналисты. Выработывалась стратегия и тактика советского джаза, ставились ближние и дальние цели. Обсуждались взаимоотношения джаза с песней, фольклором, симфонической музыкой. Проблема создания национальной школы, джазового образования, выпуска пластинок, литературы. В стенгазетах секции — они до сих пор хранятся в архиве Баташева — велись диалоги, дискуссии. Одна из них («Музыка вокруг нас») прошла с участием известных музыковедов академического профиля — Ю. Фортунатова, Н. Шахназаровой. В ней рассматривалась роль музыки в обществе, в эстетическом воспитании молодежи, место джаза в современной музыкальной культуре.

Конечно, одной искусствоведческой полемикой дело не ограничивалось. В отличие от «Инициативного комитета» секция клуба на Раушской устраивала концерты. Было их много; некоторые проходили в самом клубе, но большая часть — в институтах, Дворцах культуры, в залах различных учреждений. Никакого гонорара за выступления, естественно, не было, мало того — музыканты сами привозили на концерты инструменты (для того чтобы доставить контрабас или ударную установку, приходилось брать такси). Но никто не жаловался. Важным казалось другое — утвердить жанр. Единственной «платой» за выступления были благодарственные письма (они тоже хранятся в баташевском архиве). Перед началом концертов часто читались лекции («Музыка американских негров», «Искусство Черной Африки» и др.). Основным лектором был Л. Перверзев, но пробовал себя и Баташев, окончательно оставивший к этому времени саксофон в пользу публицистики и критики. Кстати говоря, его функции в секции были многообразными — от ведения концертов до проверки билетов. Были и конфликты. Так, в конце концов из секции исключили Германа Лукьянова — талантливого трубача и композитора, но зяблого спорщика, отказывавшегося признавать клубные правила и дисциплину.

В музыкальных программах клуба принимали участие Б. Рычков, Г. Гараян, А. Зубов, К. Бахолдин, В. Сакун, М. Куль, А. Ильин и многие другие московские музыканты. В апреле 1961 года четыре московские состава впервые выехали на джазовый фестиваль в Таллин и произвели на нем фурор. Прежде москвичей почти не знали. . .

Любопытным моментом работы клуба стали исследования в области истории отечественного джаза. Это было важно еще и потому, что контакт между молодыми музыкантами и ветеранами, начинавшими еще до войны в оркестрах Утесова, Варламова, Рознера, Кнушевицкого, был в то время совершенно незначительным. Многие из ветеранов вообще встретили молодежь в штыки. Это особенно ярко проявилось весной 1962 года, когда клуб попытался предложить Мосэстраде тарифицировать несколько лучших своих групп, что позволило бы им легально выступать в нескольких функционировавших к тому времени музыкальных кафе («Молодежном», «Аэлите» и др.). Однако руководство объединения музыкальных ансамблей «зарибуло» после прослушивания все кандида-

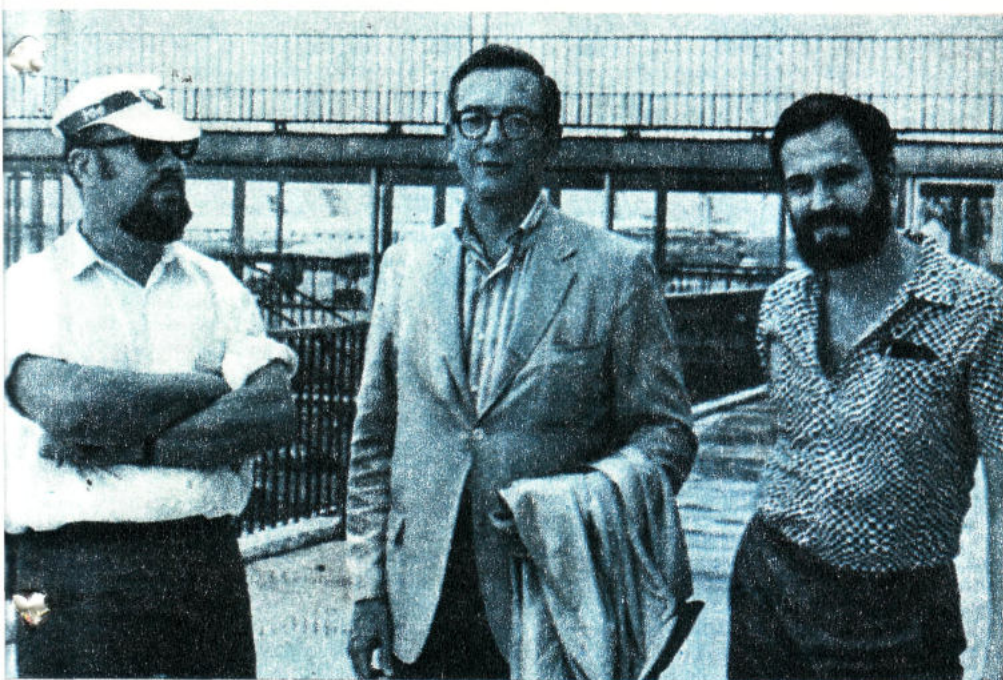

Джазовый концерт в Москве в 50-е годы.

Алексей Баташов со своими коллегами — джазовыми комментаторами.

туры. На обсуждении раздавались голоса об опасном пути, отклонении от советских традиций, подражании американским группам. Подражание, быть может, и было (как момент освоения нового материала, учебы), но не видеть явного творческого роста молодых, их поиска, эксперимента было заведомой слепотой. Обсуждение превратилось в открытый конфликт «стариков» и молодых. . .

Тем временем клуб делал свои открытия. Так, член клуба преподаватель МВТУ имени Н. Баумана П. Пластинин, работая в Ленинской библиотеке над советской печатью 20-х годов, обнаружил в журналах «Зрелища» и «Вещь» упоминание о совершенно неизвестном нам ансамбле Валентина Парнаха — первом советском джазовом составе, возникшем еще в 1922 году. Инженер В. Козопольянский в свою очередь подготовил доклад о социально-классовой природе джаза — первое социологическое иссле-

дование в этой области. Однако, пожалуй, наибольший материал собрал, правда несколько позже, сам Баташев. Он написал книгу «Советский джаз». Она выпущена в свет в 1972 году издательством «Советский композитор»...

Появились у клуба и контакты с Союзом композиторов. Сотрудничество возникло не сразу: если Ю. Саульский всегда симпатизировал молодым музыкантам, многих из которых он знал еще по молодежному оркестру ЦДРИ 1956—1957 годов, то, скажем, А. Цфасман отнесся к представителям клуба первоначально не слишком любезно. Но вскоре он уже хлопотал вместе с Баташевым за клуб. Друзьями московских джазистов сразу же стали А. Эшпай, А. Бабаджанян, А. Флярковский.

Клуб на Раушской просуществовал до осени 1962 года. Его последней акцией стала подготовка Первого Московского фестиваля молодежных джазовых ансамблей. Фестиваль этот проходил в ка-

фе «Молодежном» на улице Горького, вмещавшем от силы сто с небольшим человек; стремившихся попасть на прослушивания было в несколько раз больше — некоторые слушали выступления через окно... Ансамбли клуба были наиболее заметным явлением фестиваля. Кстати, именно из них и была составлена Центральным Комитетом комсомола группа для первой поездки за границу, на варшавский фестиваль «Джембори-62». В нее вошла плеяда талантливых самодельных музыкантов, физиков и инженеров — пианист Вадим Сагун, гитарист Николай Громин, саксофонист Алексей Козлов, ударник Валерий Буланов и др. Выступление молодых москвичей было замечено: «Яростные, неистовые звуки гитары... Это какой-то исполнитель народных блюзов, который учился у Прокофьева!» — строка из отзыва об игре Громина знаменитого американского музыканта, трубача Дона Эллиса, выступавшего на «Джембори-62».

В декабре 1962 года Московский джаз-клуб прекращает свое существование. Но дело свое он успел сделать. Центром московской джазовой жизни на ближайшие годы становится кафе «Молодежное». В нем постоянно проходят встречи московских музыкантов с джазистами из других городов, исполнителями из-за рубежа. Среди активистов этой новой разновидности джазового клуба и Алексей Баташев, принимавший участие в работе совета кафе, выступавший с радиобеседами о джазе в программах радиостанции «Юность».

Сейчас, четверть века спустя, ситуация с жанром изменилась в корне.

Джаз признан как равноправная отрасль музыкального искусства. Большинство музыкантов работают сейчас в концертных организациях. Конечно, не все из тех, кто начинал в конце 50-х, сохранили верность джазу. Например, Эрик Дибай, некогда первый альт-саксофон в оркестре ЦДРИ у Саульского, давно уже известный астроном, директор одной из крымских обсерваторий. Стали кандидатами наук Рейн Марвет, Вадим Сагун (он, правда, время от времени еще выступает в концертах). Борис Рычков пишет песни («Все могут короли») и киномузыку. Зато Алексей Козлов оставил техническую эстетику, став руководителем известного ансамбля «Арсенал». Бывший инженер Георгий Гаранян, десять лет возглавлявший ансамбль «Мелодия», стал популярным эстрадным композитором. Ушли из жизни — далеко еще не в старом возрасте — Константин Бахолдин и Константин Носов, Всеволод Королев и Валерий Буланов. Стал исполнителем музыки барокко ленинградец Геннадий Гольштейн, возглавляющий ансамбль «Про анима».

Защитил диссертацию и Алексей Баташев. Опубликовал около двадцати статей в специальной прессе, зарегистрировал четыре авторских изобретения (три из них внедрены), создал собственную теорию так называемого «многомерного измерения».

Все эти годы он плодотворно трудился в джазовой публицистике, критике, вел концерты. В прошлом году решил проработать 30 лет в теплоприборостроении, уйти окончательно. В джаз. Лектором, журналистом, исследователем. В только что вышедшем сборнике «Советский джаз — проблемы, события, мастера» — шесть его статей.

Итак, все вроде бы отложено — идут концерты, фестивали, выходят пластинки. Советские музыканты широко представлены за рубежом — в 1986—1987 годах наши исполнители, например, впервые успешно выступили на эстрадах США и Канады. Почти полтора десятилетия существует джазовое образование, организовано Всесоюзное джазовое общество.

Не хватает лишь одного. Того, чего было в избытке тогда, 30 лет тому назад. Атмосферы. Клубности. Общения. Сейчас Москве очень недостает места, где музыканты могли бы встретиться, обменяться новостями, поиграть вместе, принять в неофициальной обстановке друзей по жанру. Клуба — каким были когда-то «секция джаза» в клубе на Раушской или «Молодежное» кафе.

И хочется думать, что клуб такой будет. А в нем появятся новые Гараняны, Рычковы и Лукьяновы. И новые Баташевы, конечно.

ВХОДИТЕ - ДВЕРЬ ОТКРЫТА

В. ДЗЮБА,
наш спец. корр.

В одном из совхозных домов села Колыбельского сразу в нескольких местах прохудилась крыша, под которой живут три семьи, в том числе и директор Дома культуры Нина Афанасьевна Приходько. Случай не из приятных, но Нина Афанасьевна даже не успела огорчиться, ибо на крыше уже на следующий день работали совхозные мастера, и она со спокойной душой отправилась на работу. А вскоре и вовсе забыла об этом ЧП местного значения. Однако после первого же дождя она с мужем и соседка-пенсионерка догадались: крышу починили лишь частично — над головой «совхозного специалиста». Может, Нина Афанасьевна и пошла бы в контору выяснять причину столь странной починки крыши и рабочих бы прислали снова, но ей показалось неделикатным просить о такой видимой вещи. Да и обидно: просить после 27 лет работы в Доме культуры. Мне рассказали, что за это время она сумела создать в селе такую духовную атмосферу, какой могут позавидовать многие ее коллеги. Чего стоят фольклорные ансамбли — целых три, на любой возраст! Благодаря им село прославилось на всю Липецкую область.

Да и награды говорят, как она работала — два ордена, была делегатом последнего съезда профсоюзов. Тем не менее оказалось, что культработник, даже весьма заслуженный, все же не чета «совхозному специалисту». Из этого печального факта вытекает два вопроса: так что же — престиж культпросветчика лишь в малой степени зависит от него самого? И второй — гарантирует ли автоматически «расположение» главы колхоза или совхоза к культуре авторитет работникам клуба?

Поскучаем вместе!

В совхозе «Светлый путь», что в Елецком районе, такая история произойти не могла. Здесь отношение руководителей хозяйства к культуре, а значит, и к ее служителям, столь любовное, что директор совхоза готов звать на себя даже и то, что обязаны делать сами культпросветчики. Но давайте пройдем сначала по сельской улице.

В селе Каменском, на центральной усадьбе, — ровные ряды одноэтажных, двухэтажных и пятиэтажных домов со всеми удобствами. Вокруг них палисадники. Стоит пройти немного дальше — и попадаешь почти в городскую среду. Возле кафе стоят группками взрослые и дети — кто за мясом пришел, которое здесь продается по себестоимости, кто лакомится мороженым — его в село каждый день привозят. Есть здесь и своя телефонная станция, хлебопекарня, ба-

ня с сауной.

Всего этого не было бы, не прояви директор совхоза Вячеслав Васильевич Сухоруков энергию, умение заражать людей своим энтузиазмом и то, что сейчас называют социалистической предприимчивостью, умением быть первым по праву. Особенно гордится Сухоруков совхозным культурно-спортивным комплексом, спортивная часть которого разместилась в сельском парке. Проводить здесь время — одно удовольствие: хочешь, отправляйся на теннисные корты, волейбольную или баскетбольную площадку. А то иди в тир или на футбольное поле — вон оно, спортивные майки так и мелькают. Самые маленькие предпочитают русские качели — «лодочки». А старшеклассники — секция «Когорта», где инструктор по спорту Виктор Моргачев обучает премудростям самбо и дзюдо. Один из участников «Когорты» — Игорь Козлов даже стал призером всесоюзных соревнований.

Инструктора по спорту нашел сам Сухоруков и во всем поддерживает его. И то сказать: хорошо поддерживать того, кто сам ищет, где бы приложить свои силы. Ребята мечтают о конной секции — и она будет. Раз Сухоруков обещал, дело верное. Организовали, например, рабочие совхоза клуб любителей рыбной ловли, попросили директора помочь — и вот, пожалуйста: в этом году запустили в сельский пруд 35 тысяч мальков карпа. Ловись, рыбка!

Ну а как дела в Доме культуры? Идешь к нему — и глаз радуется: что значит нетиповая архитектура. На душе светло, особенно после того многолюдья, что увидела на спортивных площадках. Иду и заранее завидую культработникам, у которых такой заботливый «хозяин». К тому же мне уже сказали, что Сухоруков сам подбирал для Дома культуры работников. Прежде всего хотел, чтобы они были музыкантами, потому что такая же жизнь без музыки!

Так появились в 1980 году в селе двое горожан, Саша и Людмила Атамановы, выпускники Елецкого музыкального училища, — директор и художественный руководитель ДК. Сейчас Людмила уже закончила институт культуры, а ее муж на последнем курсе. Растут люди. Ну, думаю, попала я на «золотую жилу» — это ж, наверное, такие культпросветчики, у которых все в руках «поет». И образование замечательное, и отношение директора совхоза — лучше не бывает. Уж Атамановым-то небось авторитета не занимать.

На крыльце Дома культуры встает молодежь: кто с велосипедом, кто с папиросой или семечками, кто просто так.

— Привет, ребята, что не заходите? — спрашиваю.

— Так там же совхозное собрание, — ответил за всех симпатичный бойкий парень. Скажу сразу, что и после того, как оно закончилось, никто из них не пошел в Дом культуры. И я поняла почему. Нечего им там было делать — в

этом привлекательном снаружи и таком чинно официальном внутри здании. В пустынном фойе поблескивали никелированные вешалки да сиротливо висели два стенда, сработанные в совхозной художественной мастерской: «Уголок культработника» и «Социалистические обязательства».

Мне показали танцзал. Идеальная чистота и пустые стены. В маленьких стеновых нишах приютились, правда, грустные подобию греческих античных скульптур. Саша с гордостью сказал, что заказаны они «аж в Липецком художественном фонде и стоять в очереди на них пришлось целых два года».

На втором этаже меня также безмолвно приняла пустая фойе, если не считать Доски почета, тоже сделанной совхозными художниками. В кружковых комнатах никакого намека на бурную жизнь Дома культуры, никакого «художественного беспорядка», даже табличек нет — одни ключи. Так что не отличишь, где занимается драматический, хоровой или танцевальный кружки, перечисленные в «Уголке культработника». Разве нельзя было силами кружковцев или самих культработников вдохнуть живой дух в эти стены? Как-то украсить их, придать хоть какое-то своеобразие. Ведь авторитет, помимо всего прочего, создается и неравнодушием к делу, беспокойством.

— А что мы можем сделать своими руками? — удивляется Людмила, оглядывая голо-розовые стены. — Художников-дизайнеров в райцентре и то не хватает.

Атамановы говорят, что деньги у Дома культуры есть, но потратить их, как хотелось бы — купить, например, удобную мебель для холла, они не могут.

Но, может, и не стоит тратить время на напрасные хлопоты, а взять да и перенести хотя бы часть мягкой мебели из кабинета директора в холл. И телевизор тоже — пусть поднимутся люди с клубных ступенек и посидят у экрана, раз ничего больше культработники им не могут предложить. «Что вы, что вы! — пугается не на шутку Людмила. — Они же некультурные, все ломают»...

Понимаю, что первое впечатление может быть ошибочным, но разве не проявляется отношение к Дому культуры, да и к его работникам, уже по тому, как встречают их люди? Мы шли с Атамановыми по улицам села, и никто не подошел к ним, не кивнул приветливо, будто не свои это, а посторонние люди.

Понимаю и то, что пора была не зима, когда у сельчан больше свободного времени, но ведь Дом культуры занимает первое в районе место по итогам соревнования. И еще: оба культработника в один голос пожаловались, что в последнее время даже зимой не затащишь сюда людей, что они превратились в «слушателей и зрителей, делают все под нашим, нужно срочно принимать какие-то меры». Вот Людмила и придумала: надо непременно заставить высту-

пить на сцене со своим концертным номером каждого, чтобы не «отдувались» за него одни и те же.

Не сомневаюсь, что это вполне возможно, только надо не принуждать, а увлечь и повести за собой. Удалось же это спортивному инструктору совхоза: уже три года в секции «Когорта» занимаются большинство старшеклассников; а в платный клуб бега «Здоровье», едва объявили, полсела записалось. Весь секрет, очевидно, в том, что пример подает сам Виктор Моргачев — увлеченный и влюбленный в спорт, уверенный, что без этого нельзя понять всей прелести жизни. Так стоит ли говорить о «пассивных слушателях и зрителях»? Разве не возвели сельские жители своими силами прекрасный парк отдыха, трудовой лагерь для старшеклассников? Только на центральной усадьбе совхоза проживает более двух тысяч жителей, одной интеллигенции — почти 150 человек, целая армия! Есть к кому обратиться за помощью, поддержкой и советом.

Нельзя сказать, что Атамановы ничего не делают. Проходят в Доме культуры чествования передовиков и вечера танцев, праздничные концерты художественной самодеятельности. Но вот не стал он для односельчан тем родным домом, куда можно прийти не для каких-либо занятий, а просто так — посидеть со знакомыми в уютном уголке, отдохнуть, встретиться с друзьями.

Часто культпросветчики жалуются, что руководители хозяйства не интересуются культурой, но тут-то не так. Сухорук не формально, а душой понимает, как важна духовная атмосфера на селе, как необходимо людям умение общаться. Сам организовал клуб трезвости и продолжает лично заниматься им. Такую бы энергию да здешним культработникам! На вопрос, доволен ли он работой Атамановых, ответил уклончиво-деликатно: «Со своими обязанностями справляются...» Думаю, если бы Атамановы были не просто исполнительными работниками, а людьми с выдумкой, инициативой, иные слова услышала бы я от Сухорукова.

В Елецком районе все культработники обеспечены жильем. Этому можно только порадоваться. Атамановы сразу без обиняков сказали, что переехали из города в село именно из-за жилья — ведь у них двое детей. Что ж причина убедительная и вполне понятная. Но, наверное, молодые культработники приехали в Каменское не только жить, но и работать. Ну а как оценить такую работу? Первыми в районе они провели в Доме культуры безалкогольную свадьбу. За это их много и в разных местах хвалили. Но когда я попросила Сашу рассказать о тех молодоженах, он даже не смог вспомнить их имена, хотя было это недавно...

Надо ли быть «хорошими ребятами»!

Дом культуры в селе Завальном Усманского района ничем не отличается от других ДК области: здание как здание — те же ступеньки и люди на них, с семечками, велосипедами и разговорами. Но внутри тоже полно людей: кто в настольный теннис играет, кто в шашки, кто занят устройством кафе-бара, кто у окна газету читает, а одна старушка пришла в комнату отдыха и вяжет носки для внуков, которые тут же играют. Глаз радовали кружковые комна-

ты — каждая расписана, разукрашена на свой лад. И сразу можно понять ее предназначение. В комнате славы полстала книгу отзывов. Завели ее недавно, поэтому записей немного еще, но сколько души за короткими строчками: «Спасибо, родненькие, что вспомнили о нашем серебряном юбилее, нам будто снова по семнадцать годков стало. Даже целовались. Семья Небольских и семья Бубновых».

В директорском кабинете много людей. Атмосфера деловая. Ничего лишнего. У окна шкаф с предметами «первой необходимости» культпросветчика: аккуратно сложены те музыкальные инструменты и концертные костюмы, которые могут понадобиться в любой момент. «А хотите мы вам сыграем?» — предложили мне собравшиеся и весело засуетились у шкафа. Никакие ключи не понадобились. Каждый знал, что ему надо и где это лежит. Как в своем доме.

На звуки музыки прибежали дети и, глядя на своих пап и мам, стали подыгрывать кто на балалайке, кто на губной гармошке. Частушки сначала завели самые смелые, подыгрывая на рубеле, гребне и звеня бубенцами. Но затем не выдержали и остальные — что тут началось! Всяк старался не хуже остальных показать свое мастерство: «Давай ты — в балалайку, а я — в гитару, давай, давай, запевай!» Все торопилось, бушевало. Одним словом — клуб жил.

После импровизированного концерта молодые культпросветчики Валентина и Владимир Поповы забросали меня вопросами о перестройке, гласности, платных услугах, о том, как обстоят дела в других клубах. Невольно вспомнился первый вопрос, который я услышала от их коллег в Каменском: «Когда наконец повысят зарплату?» Вопрос закономерный, и все же...

Поповы в Завальном с 1975 года. В этом году получили квартиру. У них, как и у Атамановых, двое детей, примерно один возраст, только образование у Поповых «маленькое» — оба закончили в Задонске областное культпросветучилище. Володя работает директором Дома культуры, а Валентина — художественным руководителем. В общем, «расклад» такой же, как в Каменском.

Дом культуры построен в 1970 году, и за первые пять лет около десяти человек попробовали себя в роли директора, пока здесь не появились Поповы.

История строительства сельского ДК не совсем обычная. Возвели его в годы, когда от культуры отмахивались: мол, не до нее, надо о производственных планах думать. Но у тогдашнего директора совхоза «Коммунар» Шустова мнение было иное, и он нашел выход: запланировали и фондировали новое строительство... как коровник. Печально, что таким образом строили, но спасибо людям, что хоть такой выход находили.

Уметь сопротивляться обстоятельствам должен и культпросветчик, а то диву даешься, когда его порой хвалят совсем не за то, чем они должны заниматься в силу своей профессии.

Секретарь партийной организации совхоза Г. Козлова сказала о Поповых: «Хорошие они у нас ребята — что попросишь, то обязательно сделают». Что только не кроется под этим «безотказные»: и оформление всевозможных совхозных стенов, и подсчет количества фруктовых деревьев в деревне, и уговаривание односельчан сдавать молоко на

колхозную ферму, и перепись населения... А Поповы действительно безотказны, но может ли такая нагрузка проходить бесследно? Володя пожаловался, что сын уже стал называть его «мамой».

Да, культпросветчиков в селе любят и руководители хозяйства, и односельчане. Идешь с Поповыми по улице, и каждый старается приветить — доброе слово скажет, окликнет или просто улыбнется. Свои люди. Тем не менее не выдержали они однажды непрекращающейся лавины просьб и наладились уезжать, а то «все время чувствуешь, что что-то недоделал, не так выполнил, как следовало бы». Даже вещи на вокзал привезли — и тут разболелась у Валентины голова — хоть кричи. Вернулись со станции в село — все как рукой сняло. Родные «стены» помогли. Остались Поповы. Но долго ли выдержат такую нагрузку?

Обиднее всего, что за «безотказностью» культпросветчики не успевают поговорить с людьми о тех переменах, которые происходят в стране, объяснить, растолковать, что к чему. А это необходимо. Один из участников художественной самодеятельности, не понимая слово «демократия», назидательно сказал: «У нас ничего подобного нету, мы тут по совести живем». Вот такие святой простоты парадоксы бывают, когда на культработников взваливают, как на палочку-выручалочку, всевозможные «надо». И если они от них не отказываются — значит, «хорошие ребята». А ведь Валентина не только худрук, а еще на общественных началах ведет семь (!) кружков. С этими бы делами справиться. Они с Володей напеременки и картошку жарят, и бычка «на кол ставят», и корову в стадо гоняют, и черному коту есть дают, и...

Казалось бы, таких людей поощрять нужно, а Поповым за 12 лет работы один раз премии дали — 25 рублей, а о путевках на отдых только мечтать приходится, хотя они и просили не раз.

Разные культпросветчики, различные и их подходы к работе, взаимоотношения с людьми. И как же деликатно должны строиться эти отношения. Поповы действительно свои люди в селе. И все-таки «свойскость» тоже имеет предел. Саша, например, может позволить себе прийти в Дом культуры прямо с огорода, как к себе домой. Но служение культуре требует культуры во всем.

Так каким же должен быть нынешний культработник? Он видит, что жизнь вокруг меняется к лучшему, сам хочет перемен, но... продолжает ждать, когда придут указания сверху, как ему переустраиваться. От чего отказаться? Односельчане же ждут перемен от него самого, от клуба, которым он руководит.

Тяжелее всего гнетет неопределенность, когда стоишь перед закрытыми дверями. Но двери-то уже открыты. И надо решить для себя самого: что нельзя жить на всем готовом, «эксплуатируя» доброе к тебе отношение руководителя хозяйства, а пора самому становиться своим человеком среди людей. С другой стороны, необходимо решить твердо, что же главное в твоём деле, и отстаивать право делать работу так, как ты ее понимаешь, а не превращаться в «человека на побегушках». Наконец, может, не стоит тань и копить обиду на руководителя хозяйства, а прийти и потребовать внимания к своему быту.

Подумай — и реши. Дверь открыта!

Сегодня наша общественная приемная переместилась в зал коллегии Министерства угольной промышленности СССР, где собрались представители министерств и ведомств, от которых зависит решение самой, пожалуй, болезненной проблемы культпросветработы —

материально-технического обеспечения клубов. Комментирует заседание заведующий отделом культурно-воспитательной работы ВЦСПС Станислав Иванович КРАМАРЕНКО. Он и открыл совещание.

СТУПЕНИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Материально-техническая база многих действующих сегодня клубов нуждается в значительном укреплении. Велики перепады в обеспеченности культпросветучреждений. Например, количество роялей и пианино в среднем на один клуб колеблется от 0,6 в агропромышленном комплексе до 5,4 в химической и нефтехимической промышленности; комплектов инструментов для духовых оркестров от 0,3 на предприятиях связи до 1,4 того же нефтехимпрома; наборов для инструментальных ансамблей от 0,5 в клубах бумажной и деревообрабатывающей промышленности до 1,8 у рабочих автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения... Я намеренно прибегаю к цифрам, чтобы показать пестроту картины. А ведь за пятилетку на селе будет построено еще 6 тысяч клубов, вступят в строй 411 профсоюзных Домов и Дворцов культуры. Их тоже надо хорошо оснастить. То есть сеть культпросветучреждений будет в ближайшее время динамично развиваться, и мы не вправе «замораживать» проблемы их обустройства.

Мы работаем над созданием единой системы снабжения. Пока намечены лишь контуры ее. Задача нашей сегодняшней встречи: закрепить благие тенденции, появившиеся в жизни, и наметить — на большее рассчитывать было бы безрассудно, — наметить на будущее возможные пути решения проблемы. Сейчас обеспечение ведется из пяти источников — министерства, Госснаб, торговые организации, органы культуры, профсоюзы. Я не говорю о ряде каналов, которые не влияют в сколь-нибудь значительной степени на ситуацию в целом. Пожалуй, слабее других включен канал отраслевого снабжения. Местом проведения встречи мы выбрали Минуглепром не случайно. Здесь создана, на наш взгляд, действующая модель исчерпывающего использования фондов на материальные ресурсы.

Начальник управления материально-технического снабжения Минуглепрома СССР Н. Жук и заведующая отделом культурно-воспитательной работы ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности Л. Мелячкова рассказали о сложившейся в отрасли системе снабжения клубов. Суть ее сводится к следующему. С 1979 года Министерство и ЦК профсоюза вместе решают вопросы обеспечения очагов культуры. А началось все с обследования клубной отрасли. Выяснилось, что не в полной мере используются возможности планового пополнения КПУ недостающим инвентарем и оборудованием за счет фондов на материальные ресурсы. Обнаружилась хозяйственная и экономическая неграмотность многих руководителей всех рангов. Не все директора шахт с пониманием относятся к культуре и используют выделенные материалы исключительно для производственных нужд. Так, например, в объединении «Ростовуголь» из 7 тысяч метров шелковой ткани, выделенных министерством для оформления клубов, по назначению пошло лишь 1100.

Определив огрехи в снабжении клубов, угольщики задумались над тем, как от них избавиться. Теперь, как только министерство получает фонды, информация об этом поступает в ЦК профсоюза. Те в свою очередь рассылают по комитетам фондовые извещения, с которыми в обязательном порядке должны ознакомиться все культпросветучреждения отрасли и сделать свои заявки. Министерство и ЦК профсоюза распределяют фонды, точно указывая адресат — для клубных учреждений. На местах создали мастерские по изготовлению

мебели, материалы для них выделяет министерство. По возможности используются валютные средства. В этом году За рубежомлепром закупил для клубов десять польских дискотек. Постоянно на коллегиях заслушиваются отчеты хозяйственных руководителей. Дано прямое указание предприятиям и организациям, не имеющим своих клубных учреждений, участвовать в их содержании на долевых началах.

Время от времени скептики в зале, а здесь собрались представители центральных комитетов профсоюзов, подавали реплики: «А где же система?», «Это мы тоже делаем», «Что же тут нового?».

С. Крамаренко. В Минуглепроме действительно не придумали ничего принципиально нового. Но они использовали все пути обеспечения клубов, и именно комплексность подхода к проблеме принесла плоды. Создание отраслевой программы позволило суммировать усилия всех заинтересованных сторон. Определена «карта» потребностей отрасли. Переход на самообеспечение по некоторым позициям заслуживает высшей похвалы. Валютные фонды есть у многих министерств, но чаще для клубов они недосягаемы. И здесь угольщики оказались новаторами. Наконец, участие ЦК профсоюза в распределении фондов позволяет решать вопросы снабжения очагов культуры компетентно, справедливо, по-хозяйски. Ссылки на то, что так делают все, несостоятельны. По нашим сведениям, например, ЦК профсоюза рабочих геологоразведочных работ не смог добиться от Министерства геологии СССР заинтересованного отношения к обеспечению культпросветучреждений инвентарем, оборудованием, мебелью, музыкальными инструментами. Минприбор СССР, Минлегпищепром СССР принимают некоторые меры по снабжению клубов, однако системы не сложилось. ЦК профсоюза не владеют ситуацией, не располагают необходимыми для целенаправленной работы сведениями.

Представители Министерства угольной промышленности СССР резко критиковали качество выпускаемых промышленностью музыкальных инструментов и звукоусилительной аппаратуры. Назывались и конкретные бракоделы. Среди них киевская фабрика — изготовитель духовых инструментов. В диссонансе с этими тревожными сигналами прозвучало выступление начальника Главкультторга Министерства торговли СССР Е. Веденева. Признав, что киевляне действительно выпускают негодную продукцию, с серьезными отклонениями от ГОСТа, оратор выступил в защиту других инструментов: «Они не такие уж плохие, учить на них можно». Судя по реакции, присутствующим ближе была позиция А. Воробьева, начальника отдела Союзглавкоммаша Госснаба СССР. Он сказал:

— Главные наши беды — качество и ассортимент. Все ведущие коллективы пользуются импортным оборудованием. Но закупки по импорту не могут быть постоянными. Госснаб предложил срочно изготовить единый каталог выпускаемой продукции — промышленность не поддержала. Видимо, пора собраться всем заинтересованным сторонам, обсудить вопросы качества и организовать технический показ всей продукции.

Вопрос из зала. У вас есть специалисты, которые поставили бы заслон браку?

А. Воробьев. Нет.

С. Крамаренко. Предложения Госснаба дельные. ВЦСПС готов организовать такую выставку в нашем павильоне на ВДНХ с приглашением представителей министерств. И выпуск каталога мы могли бы финансировать, предоставить полиграфическую базу, но — после выставки. И надо, очевидно, по-

думать о введении госприемки на предприятиях, выпускающих наш ассортимент товаров. А пока нужно активнее использовать собственные возможности. Вот в Шяуляе на телевизионном заводе им. 40-летия Советской Литвы рабочие сами сделали дискотеку, не уступающую по своим техническим характеристикам лучшим зарубежным образцам, а может, и опережающую их. Вообще опыт работников культуры Прибалтийских республик весьма показателен и интересен.

Ю. Турыгин, заместитель директора по кадрам и быту ПО «Эстонсланец». Для хозяйственного содержания четырех Домов и одного Дворца культуры мы создали хозремучасток из 35 человек. Нет у нас проблем и с оборудованием. Осуществляем прямые связи с предприятиями республики. Например, Нарвский мебельный комбинат делает мебель по нашим чертежам. Торговые организации дают кофеварки, сокоохладители, другое оборудование. Управление торговли делится с нами своими лимитами. Пожалуй, единственная трудность, с которой приходится сталкиваться, — это отсутствие красок светлых тонов и сантехнического оборудования. Хотя и здесь мы в более выигрышном положении, нежели наши коллеги из других регионов: Финляндия ведет поставки на республику, кое-что перепадает и нам.

Вопрос из зала. Уточните, пожалуйста: торговля действительно отдает вам свои лимиты?

Ю. Турыгин. Да. Все взрослое население наших населенных пунктов заинтересовано в том, чтобы ДК работали как подлинно центры досуга. Мы культивируем деловой подход: пользуетесь нашими клубами — так помогайте в их содержании и обеспечении.

Вопрос из зала. Мощность Нарвского мебельного комбината позволяет вам прибегать к его услугам постоянно?

Ю. Турыгин. Нет конечно. Но в Эстонии многие колхозы изготавливают мебель. Добираем заказы у них.

С. Крамаренко. К сожалению, мало предприятий привлекается к долевному участию. Из 23 тысяч клубов только около двух с половиной тысяч содержатся на паях. А ведь лимитные возможности нескольких заводов и организаций, сложенные воедино, составляют немалый «капитал». В Пензе 38 предприятий содержат ДК имени 40-летия Октября. И он в полной мере отвечает своему наименованию — Дворец. Нужно искать нетрадиционные источники обеспечения культпросветучреждений. Только в Москве сегодня 20 кооперативов делают домики для садовых участков. Я на днях встретился с кооператорами, поинтересовался, взяли ли они за оборудование клуба. Реакция была однозначной: «Охотно!» Конечно, пока клубам не разрешено заключать договоры с кооператорами. Этот вопрос надо решать.

В ходе обмена мнениями выявилась еще одна проблема — организационная. Представитель Союзглавкоммаша привел такие факты: на прошлый год Грузия и Бурятия не сделали заказа на инструменты и оборудование ни по одной позиции. Горьковский облсовпроф подал большую заявку, а потом почему-то отказался от нее. А. Воробьева поддержал Е. Веденев. Такие случаи не остаются без последствий: резкое снижение потребностей автоматически влечет за собой уменьшение объемов производства.

С. Крамаренко. В ВЦСПС часто поступают письма с вопросами, где можно приобрести те или иные виды товаров. Бывает, что ходки пересекают всю страну только для того, чтобы узнать о правилах обеспечения культпросветучреждений. Ориентироваться в них должен каждый творческий работник ДК. Мы недавно разослали в областные и республиканские советы профсоюзов сборник, в который вошли документы о порядке материально-технического снабжения клубов профсоюзов, перечень министерств и ведомств, чьи учреждения культуры переведены на снабжение через Госснаб, адреса его территориальных управлений... Очень обстоятельный сборник, необходимо, чтобы местные органы в обязательном порядке ознакомили культпросветчиков с этой информацией, что, кстати, уже сделали угольщики.

И еще совет. ВЦСПС с полным пониманием относится к нуждам культпросветчиков, но, к сожалению, многие из них демонстрируют нерасторопность. Ни один снабженец не уйдет в отпуск в августе — сентябре. На эти месяцы приходится пик его работы — выяснение рыночной конъюнктуры, подача заказов, требований, согласование их с торговыми организациями. А директора ДК спокойно устраивают себе каникулы в это горячее время, потом разводят руками — опять обошли.

О перспективах развития производства видеопрограмм и в сегодняшнем дне ПО «Копирфильм» Госкино СССР рассказал заместитель генерального директора А. Гилев.

— С 1985 года работает цех по видеопрограммам. Ежегодно производство видеокассет увеличивается в три раза. Нельзя сказать, что на сегодняшний день спрос полностью удовлетворяется. И в то же время мы сталкиваемся с определенными

трудностями в реализации продукции. Объединение готово расширять сотрудничество с министерствами и ведомствами. Сейчас они заказывают нам 1—2 кассеты, нам же выведен минимум пятикратный заказ. Мы разослали в министерства свои предложения по развитию отраслевого видео, ждем от них делового отклика. Хорошие связи налаживаются с ВЦСПС. В прошлом году в централизованном порядке для культпросветучреждений поставлено 50 тысяч видеокассет. Достигнуто соглашение о выпуске 200 тысяч — в новом. Чтобы мы работали слаженно и ритмично, необходимо определить перспективы развития видеосети.

Вопрос из зала. Сколько стоит одна кассета?

А. Гилев. От 29 до 130 рублей. Реализуются они по розничным ценам, не по оптовым. Но мне кажется, культпросветчикам не надо пугаться дороговизны. В недавно созданном прейскуранте определены цены и на прокат видеокассет. Так что затраты быстро окупятся, и можно будет получать дивиденды.

В ПАМЯТКУ КУЛЬТПРОСВЕТЧИКА. Смотрите прейскурант № 661 от 15 сентября 1987 года «На прокат предметов культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода».

С. Крамаренко. Нам все казалось, что далеко то время, когда видео придет в клубы. А сейчас стало ясно: мы не готовы к перемене. ВЦСПС закупил несколько сот импортных видеомагнитофонов. В нынешнем году Воронежский завод «Электросигнал» выпустит 200 тысяч по японской лицензии. Да что говорить о дне завтрашнем, когда уже сегодня клубам разрешено привлекать видеотехнику, принадлежащую гражданам, и приобретать ее.

В ПАМЯТКУ КУЛЬТПРОСВЕТЧИКА. Смотрите постановление Секретариата ВЦСПС от 17 марта 1987 года за № 6—8 «Об использовании в культурно-просветительных учреждениях профсоюзов видеотехники, принадлежащей гражданам».

Видео может стать серьезным подспорьем почти во всех направлениях воспитательной и культурно-массовой работы. Нужно ломать устаревшее представление о том, что видеопрограммы — лишь развлекательный элемент нашей жизни. Проформентация, политическое образование, обучение мастеров, ремеслам — вот далеко не полный перечень клубных дел, где можно использовать видеотехнику.

Р. Ионих, заместитель начальника ГУМТСС Госкино СССР.

— У нас существует две киносети — государственная и профсоюзная. Так и снабжение должно идти по двум каналам. Сегодня мы не можем обеспечить кинооборудованием всех желающих. Поэтому всегда просим заказчиков: лишнего не просите. А то как иногда получается? Подается заявка под строящийся объект. По каким-то причинам строительство затягивается, а оборудование уже выделено. И пылятся оно где-то в кладовках, в то время как другие остро нуждающиеся бомбардируют нас заказами, которые мы не в состоянии удовлетворить. Кинооборудование еще долго не будет переведено на оптовую торговлю, так как у нас сложная комплектация. Здесь уже поднимался вопрос о ремонте и монтаже. Так вот это возложено на местные органы кинофикации.

Реплика из зала. У нас вводятся новые Дворцы с большими зрительными залами, а вы не удовлетворяете наши заявки на высококачественную аппаратуру даже для них.

Р. Ионих. Как вы считаете, куда нам важнее дать надежную аппаратуру — в кинотеатр, где фильмы показывают с утра до вечера, или в клуб, где один сеанс в день?

Г. Успенский, начальник отдела Госснаба СССР.

— Я бы хотел сразу разграничить два совершенно разных вопроса материально-технического обеспечения клубов, поскольку некоторые из выступавших явно их смешивали. Первое направление — хозяйственное содержание — сравнительно благополучно. А вот во втором — обеспечении основной деятельности клубов — проблем много. Одна из них состоит в многообразии видов продукции, необходимой культпросветучреждениям. Их сегодня больше 500. 136 наименований идет по линии Госснаба, 161 — Министерства культуры, 43 — Госкомспорта СССР, 41 — Госкино, 69 — Минторга. Я уж не говорю о некоторых других малых группах наименований, которые обеспечивают самые разные организации. В части распределения господствует полная вакханалия. Для начала Министерству культуры СССР нужно бы не пожалеть бумаги, сил, издать единый подробный перечень или каталог по всем позициям и распространить его повсеместно. Но только для начала.

В перспективе же надо искать оптимальную модель обеспечения клубов. Госснаб предложил создать в Минкульте особое подразделение, которое аккумулировало бы потребности и контролировало качество продукции. ВЦСПС поддержал, но с одной оговоркой: с участием ВЦСПС. Министерство торговли выступило против нашей идеи. Не согласилось и Министерство культуры. Мотивировка такая — республиканские мини-

стерства нам не подчинены, управления культуры тем более, управлять этой стихией мы не в состоянии.

Тогда перечисленные функции взял на себя Госснаб. Но и здесь Министерство культуры пытается регламентировать наши действия: вы, говорят, занимайтесь отечественной продукцией, а по импорту будем работать мы. Сейчас в связи с Законом о государственном предприятии (объединении) прорисовывается третье направление — распределение по прямым связям. Не уверен, что этот путь верный. Госснаб занимает прогрессивную позицию. Мы считаем, что в этом деле должен быть один хозяин, одна голова.

Блиц-интервью с С. Крамаренко сразу после совещания.

— Станислав Иванович, вы удовлетворены сегодняшней встречей?

— Сейчас на выходе из зала кто-то сказал: хорошо, что мы посмотрели в глаза друг другу. Мы не ждали, что сегодня решим все проблемы разом. Но итог есть. Каждый участник высказался и был услышан. Мы представили себе в полном объеме трудности, которые предстоит преодолеть. Узнали, что в оценке некоторых явлений мы союзники. Поняли, что по другим позициям до взаимопонимания нам далеко. Это знание тоже небесполезно, так как является необходимым условием для успешного поиска общей платформы. Я по натуре оптимист и верю, что, как бы ни трудны были задачи, предлагаемые жизнью, решить их можно.

— Многие наши читатели ставят вопрос таким образом: пусть другим учреждениям и организациям нельзя покупать современную аппаратуру, самую модную обстановку, а клубам можно.

— Это и наша позиция. Мы также считаем, что нужно снять ограничения и создать приоритетные условия для приобретения культурно-просветительными учреждениями и спортивными сооружениями из розничной торговой сети с включением в план товарооборота высококачественных товаров отечественного и импортного производства в пределах средств, получаемых от платных услуг и членских взносов. Мы ставили этот вопрос в Министерстве финансов СССР. Пока безуспешно. Потому пытаемся, отнюдь не отказываясь от попыток решить проблему кардинально, усовершенствовать действующий порядок обеспечения клубов. Кроме того, сейчас сформирован государственный заказ на товары, которые необходимо произвести для нашей отрасли. Он будет передан на рассмотрение Совета Министров СССР и Госплана СССР.

— Сегодня много говорили о кинооборудовании. Проблема киноплана волнует всех читателей. Они считают, что демонстрация кинофильмов идет в ущерб основной работе. Вы с этим согласны?

— Увы, к числу их единомышленников я уже не принадлежу.

— Значит, когда-то принадлежали?

— Не скрою, был грех. А переубедили меня сами культпросветчики. Давайте для начала уясним для себя, что это проблема сугубо городская. В селе клуб — единственное место, где люди могут посмотреть фильм. Строить там кинотеатры нерентабельно. В городе же я встречал немало культпросветчиков, которые превратили кино из врага в союзника. Они используют экран как формообразующее начало, вокруг которого собираются страстные любители кинематографа. А к их числу, по-моему, принадлежит каждый из нас.

— Согласуется ли то, что вы говорите сейчас, с вашим собственным тезисом, высказанным ранее? Суть его сводилась к следующему: нет никакой нужды сосредоточивать все формы клубной работы в одном ДК. Кино — несчастливое исключение?

— Киноплан тоже не надо бездумно, механически «вешать» на каждое культпросветучреждение. Формируя культурную ситуацию в районе или городе, местные органы должны сами определить, каким ДК дать напряженный план, а какие освободить от него вовсе. Ведь культпросветчики отрешиваются от кино вовсе не потому, что оно хронически срывает клубные мероприятия. Просто до сих пор планы работы клуба не корректировались в зависимости от того, показывает он 16 раз в месяц фильмы или нет. Вот это положение надо поправить.

— Станислав Иванович, в редакцию уже стали приходить отклики на ваши выступления. В чем-то читатели согласны с вами, с чем-то спорят. Мы предполагаем наиболее интересные письма опубликовать в надежде, что вы затем прокомментируете их в журнале.

— В таком случае, до новой встречи в общественной приемной.

Материал подготовила к печати Т. Кулинова

Дмитрий РЯБИЧЕВ.

ВЫСТАВКА ФОРМА ОБЩЕНИЯ

Ф. Трапезников. «Журавли» (РСФСР)

С августа по ноябрь прошлого года в Москве, в одном из павильонов ВДНХ, проходила Всесоюзная выставка работ самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, посвященная 70-летию Октября.

Семь тысяч участников. . .

Семь тысяч творческих судеб, мироощущений. . .

Чем одарили они зрителей!

Какие проблемы развития самодеятельного изобразительного искусства выявила экспозиция!

Какие вопросы поставила она перед организаторами!

Об этом наш разговор в подборке материалов, предлагаемых вниманию читателей.

митрий Борисович, вы являетесь председателем комиссии по работе с самодеятельными художниками СХ СССР и были главным художником Всесоюзной выставки самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства,

посвященной 70-летию Октября. Скажите, какими критериями руководствовались выставком, отбирая произведения на эту выставку!

— Критерий для итоговой экспозиции может и должен быть только один — художественность.

— Однако работы не были, на мой взгляд, качественно равноценными...

— Мы, разумеется, старались показать лучшее, что создано художниками-любителями страны. И в большинстве случаев нам это удалось. Но не забывайте, что всесоюзный выставком отсматривал материал, профильтрованный областными и республиканскими научно-методическими центрами, Межсоюзными домами самодеятельного творчества. И тут мы, в который уж раз, убедились, что методистами в изощренных работах порой неверно ориентированные люди. В Татарии, например, знаю немало понастоящему хороших художников. А привезли, по-моему, не самое интересное. Словом, в экспозиционных «костровках», как в зеркале, отразился уровень руководства самодеятельным творческим процессом.

— Вы сказали: «Неверно ориентированные...» Но о каком эстетическом компасе методиста можно говорить, если сейчас в изобразительном искусстве понятие «художественность» трактуется по-разному!

— Думаю, дело не в толкованиях понятия, а в ощущении сегодня недостатке общей художественной культуры. Например, после прошлой Всесоюзной выставки самодеятельного изобразительного творчества, посвященной 40-летию Победы, комиссию по работе с самодеятельными художниками засыпали возмущенными письмами. Главный пункт обвинения — почему так много экспозиционного пространства отдали «слабым» работам «необразованных примитивистов», сократив тем самым число выставленных произведений едва ли не «профессионального уровня». Нетрудно догадаться, что наши корреспонденты, не сомневаясь в своей правоте, ставят знак равенства между подлинной эстетической ценностью творений и успехами в постижении изобразительной грамоты. Эта точка зрения теперь, к сожалению, не редкость. Вот к чему мы пришли, не осознавая всей глубины проблем эстетического воспитания и художественного образования, долгие годы умиляясь уже тому, что, отработав на стройке, у кульмана или станка, люди берут в руки кисть и часанку, простаивают у мольберта, не задумываясь, что таким образом культивируем снисходительное отношение к самодеятельности...

Ни в коем случае не противопоставляю «наивных» художников «академистам». Убежден, что выбор художественных средств сам по себе не дает автору полотен никаких преимуществ. Истинное искусство начинается с особого видения, с умения передать на хол-

сте душевное состояние. Можно, допуская, довольно точно нарисовать дерево, но лишь благодаря сходству с натурой рисунок не станет явлением искусства. Настоящий художник в том же дереве увидит радость бытия или драматизм, трагедию... Для меня произведение — искусство, если я чувствую в нем цельную личность автора. Фалк говорил: «...если бы Толстой, Мусоргский, даже не обладая зрительной грамотностью, стали бы вдруг заниматься живописью, они все равно создали бы что-то очень значительное». Пожалуй, неловко рассуждать о таких элементарных вещах, но при нынешней ситуации придется, наверное, еще не раз к ним возвращаться, чтобы научиться наконец отличать художественное от того, что им не является...

— ...И помочь в этом, вероятно, должны художники-профессионалы...

— И помогают. В региональных экспозициях Всесоюзной выставки отчетливо видна та роль, которую играют на местах комиссии по работе с самодеятельными художниками, созданные практически при каждом отделении СХ СССР. Правда, как выяснилось, не везде они в полной мере осознают степень своей гражданской ответственности за выявление и пропаганду высоких образцов народного искусства. А в ряде областей и краев они вообще существуют лишь «на бумаге». Простой пример: Армения, Грузия, Прибалтика представлены лучше других — там Союз художников искренне озабочен проблемами самодеятельного творчества. Впрочем, активное шефство Союза художников иногда оборачивается для любителей и негативной стороной. Представьте, какой вред развитию любительского искусства способен нанести уважаемый в научно-методическом центре шеф-«консерватор», всерьез полагающий, что, скажем, Лентулов — плохой художник (он-де нарушает законы построения перспективы). Таких ретроградов, отстаивающих «чистоту художественных приемов» у нас, к сожалению, немало.

— Выходит, при отсутствии единых позиций выставочную политику не изменить...

— Да, не изменить, если мы срочно не возьмемся за создание централизованной ступенчатой системы семинарской учебы (район — область — республика — центр), охватывающей специалистов всех заинтересованных ведомств, включая комиссии по работе с самодеятельными художниками СХ СССР.

— Неизвестно, сколько времени пройдет, пока удастся организовать семинарскую учебу. Да и плоды она принесет не сразу... Мне кажется, что многое можно сделать уже сейчас. Внимательней, например, отнестись к экспонированию любительских произведений. Ведь по содержанию Всесоюзная выставка в целом получилась интересной. Но ее к.п.д. не столь высок, как хотелось бы: люди потерянно бродили по залам — обилие, хаос художественной информации не давали зрителям сосредоточиться. Я, скажем, как ни старалась, экспозиционную идею не сумела прочесть...

— А идеи, как таковой, в организации экспозиционного пространства, собственно, не было. Кто в этом виноват?.. Конечно, заманчивая мысль — показать в динамике развитие любительского изобразительного искусства за 70 лет. Но где разыскать творения художников-

любителей прошлого? Сколько их сохранилось — по пальцам пересчитать. Со свойственной нам «щедрой» расточительностью мы десятилетиями не отдавали себе отчет, куда пропадают произведения замечательных народных мастеров. В стране всего два сравнительно недавно открытых музея самодеятельного искусства. Это ли не показатель того, как мало заботятся у нас о богатейшем народном наследии? Чем, если не отсутствием внимания к любительскому творчеству, объяснить тот факт, что уникальную выставку развернули в окраинном, непригодном для экспозиций произведений изобразительного искусства павильоне ВДНХ? Да, согласен, даже в неблагоприятных условиях «трудного» зала экспонируемые работы можно было бы расположить иначе — сделать их более доступными зрительскому восприятию. Но кто из энтузиастов способен «выдохнуть» проект крупнейшей выставки? Квалифицированной экспозиционной службы у нас, по сути, нет. А скульптурный комбинат имени Вучетича, которому поручили выполнение заказа по созданию экспозиции, как видно, не посчитал нужным проявить уважение к самодеятельным авторам.

— Образуется как бы замкнутый круг: приобщение к ценностям народного искусства возникает только благодаря содержательным контактам с его образцами, то есть в процессе выставочной деятельности, для расцвета которой, в свою очередь, необходимо искреннее внимание к самодеятельному изобразительному творчеству, рождающее глубокое понимание его проблем... Существует ли выход из положения!

— Надеюсь. Нам, как мне кажется, не стоит сейчас ставить перед собой слишком сложные задачи. К крупномасштабным выставкам, например, мы, считая, пока не готовы — ни устроители, ни художники-любители, ни зрители. Давайте же покончим с парадной гигантоманией и начнем серьезно осваивать азы «выставочной науки», устремляясь к тому, чтобы экспозиции превратились в арену живых дискуссий. Что надо для этого? Чтобы спровоцировать прямой диалог между художником и зрителем, следует, вероятно, в качестве экспозиционной идеи брать одну из наших творческих, методических, организационных проблем. Вот, скажем, такого рода вопрос: вправе ли мы сегодня, когда в стране идет процесс демократизации, отказывать кому бы то ни было в участии в выставке? Во Всесоюзной — да. В каких-либо других, — разумеется, нет. Но как тогда быть с работами, не представляющими художественной ценности? Ведь экспонируя их, мы заведомо дезориентируем публику, просто-душно полагающую, что во всем выставленном на всеобщее обозрение непременно есть эстетические достоинства... А что, если показать произведения разного художественного уровня, «столкнув» две или несколько изостудий, представляющих различные «школы»? Пусть попробуют доказать свой приоритет... Мы словно забывали, что любая выставка — контакт художника со зрителем, художника со своими коллегами, художника с искусствоведом. Сегодня нам — и профессионалам, и любителям, — как никогда, нужен диалог, помогающий обрести ориентиры в искусстве.

Беседу вела С. Жерлыгина

кая это была выставка! Тысячи картин художников-любителей, изделий народных умельцев... Какое удовольствие было рассматривать монументальные настенные кружева из Армении, затейливые железные «солнышки», кованные литов-

скими кузнецами, изысканные по цветосочетанию войлоки из Грузии, простой и тонкой красоты керамику, вышедшую из рук латышских гончаров! А искусные миниатюры на гуцульских писанках, загадочные, тысячелетней древности письмена на стенках сосудов из Балхара или столь же неведомые нам послания из прошлого, зашифрованные в орнаментах эстонских тканых поясов! А чернолощенная керамическая посуда Черниговщины или «вербы» из Литвы — причудливые композиции из сухих цветов и трав, созвучные нашим сегодняшним экологическим настроениям и потому так великолепно вписывающиеся в современный интерьер! А торжественная музыка российской вышивки! Все манило, притягивало к себе.

Какое наслаждение было блуждать в лабиринтах этажей, выгородок, то и дело открывая для себя что-то невиданное, новое или, напротив, встречая уже хорошо и давно знакомое! Вот картина ереванского художника Арама Гуляна. Его нежной кистью выписанные натюрморты (Арам Мелконович говорит обычно о себе: «Я всю армянскую кухню нарисовал», ибо пишет в основном празднично убранные столы) уже много лет украшают различные выставки. А вот и еще одна встреча — с редким ныне искусством: живописью на стекле. Киевлянин Виталий Сивак продолжает старинную традицию. А здесь — смотрите! — миниатюрные скульптурки из сыра, которые делают по сей день в некоторых местах Карпат... Словом, это был космос, энциклопедия народных умений, просвечивающая множеством лиц той отшлифованной временем красоты, что свойственна традиционному народному искусству, содержащая бездну информации, хотя конечно же краткая.

Следует заметить, что выставка — именно та ее часть, что посвящалась декоративно-прикладному творчеству, — явно была сориентирована на мастеров, работающих по канонам народной традиции. Что, с одной стороны, и правильно — тем самым поддержана очень важная, ценная для нас часть национальной культуры, которая, как мы с тревогой замечаем, подвергается довольно интенсивной эрозии под напором могущественной космополитической современности. Но что, с другой стороны, вызывает сомнение столь резкой категоричностью предпочтения, ибо «за кадром» остались многие самобытные мастера, работающие в собственной, нетрадиционной манере. Итак, должны ли подобные выставки ориентироваться в основном на традиционное искусство или же им надлежит достаточно представительно демонстрировать и произведения «нетрадиционалов»? Вопрос, над которым стоит поразмышлять...

Сейчас, когда яркий выставочный мир простился со стенами павильона ВДНХ, мы еще и еще раз размышляем о плюсах и минусах происшедшего, с тем что-

бы извлечь, как говорится, уроки на будущее. Причем важнее осмысление именно недостатков, ибо они способны порой свести на нет все достоинства. Например, в ситуации, когда организаторы забывают пригласить зрителей, выставка, даже самая хорошая, теряет смысл. Нечто похожее произошло и в нашем случае. Вовремя не появились афиши — и многомиллионная столица долго не знала о посетившем ее на короткий срок собрании произведений народного искусства. Постепенно, когда прошли радио- и телепередачи, посвященные выставке, когда случайно попавшие туда люди сказали родным и друзьям: «Сходите, непременно сходите — это так интересно!» — народу прибыло. Но первые недели в огромном павильоне слышались лишь чирканье воробьев да тяжелые вздохи скучающих зрителей.

С завидной последовательностью организаторы выставки наделили минимумом информации и тех счастливых, которые все-таки попадали в павильон. Собственно, это были лишь таблички под работами с названиями, фамилиями авторов, ну еще с обозначением места, где произрос талант. Все. Ни буклетов, ни аннотаций, ни тем более путеводителей! Ну и, разумеется, ни значков, ни календариков, ни сувениров — всех этих милых зрительскому сердцу мелочей, которые на долгие годы закрепляют в памяти значительное событие.

Словно кинокадры, всплывают в памяти эпизоды выставочной жизни. В той части экспозиции, что отведена искусству умельцев Казахстана, мастерица демонстрирует приемы изготовления традиционных ковров с узорами — аппликацией. Вслед за плавными движениями ножниц возникают характерные очертания тюркского орнамента.

— Все это я придумываю каждый раз, как только возьму в руки карандаш и бумагу, — говорит Кызжибек Жаркинбаева — библиотечка из Алма-Атинской области. — А повторить одно и то же не могу — при всем старании хоть чуть-чуть, да по-другому выйдет.

Вот она, та самая импровизация, которая делает народное искусство бесконечно разнообразным, несмотря на неизблемые традиционные каноны.

Созерцание процесса создания изделия волнующе и поучительно. Надо отдать должное организаторам — на выставке постоянно работал кто-то из умельцев. Жаль только, что вокруг так мало было тех, ради кого рассыпались здесь мастерами творческие искры искусства... Практически не посещали выставку школьные экскурсии. Японских школьников, например, возят специально смотреть на цветущую сакуру, а тут — такое цветение, и нет рядом наших детей! Опять отсутствие рекламы! Что стоило разослать в школы буклеты или письма и объяснить, что можно и «по географии...», и «по эстетике...», а уж что касается патриотического воспитания — лучше не придумаешь...

Получается, чтобы даже очень хорошая выставка стала событием в культурной жизни города, надо проделать большую, квалифицированную работу, «вокруг» нее, тщательно продумывая и проектируя все аспекты короткой выставочной жизни. Здесь нет мелочей. Все важно. Не учли организаторы Всесоюзной выставки, разместив ее на ВДНХ, схемы «человекопотоков» (москвичи по буд-

ням сюда не ходят, а приезжие, как правило, настроены на осмотр павильонов «Космос», «Радиоэлектроника» или какого-то еще — ближе к своей специальности) — вот и заполнялась выставка лишь по субботам и воскресеньям...

... Прямо у входа в павильон работали кузнецы. Здесь, огородив площадку цепями, поставили горн, наковальню и прочие атрибуты кузнечного дела. Какая-то бой-дама, приободренная улыбкой бородатого мастера, передав сумочку подругам, берется за молоток. Слышатся мягкие, неточные удары. Нет, что ни говори, это издержки эмансипации — огонь и железо больше идут мужчинам...

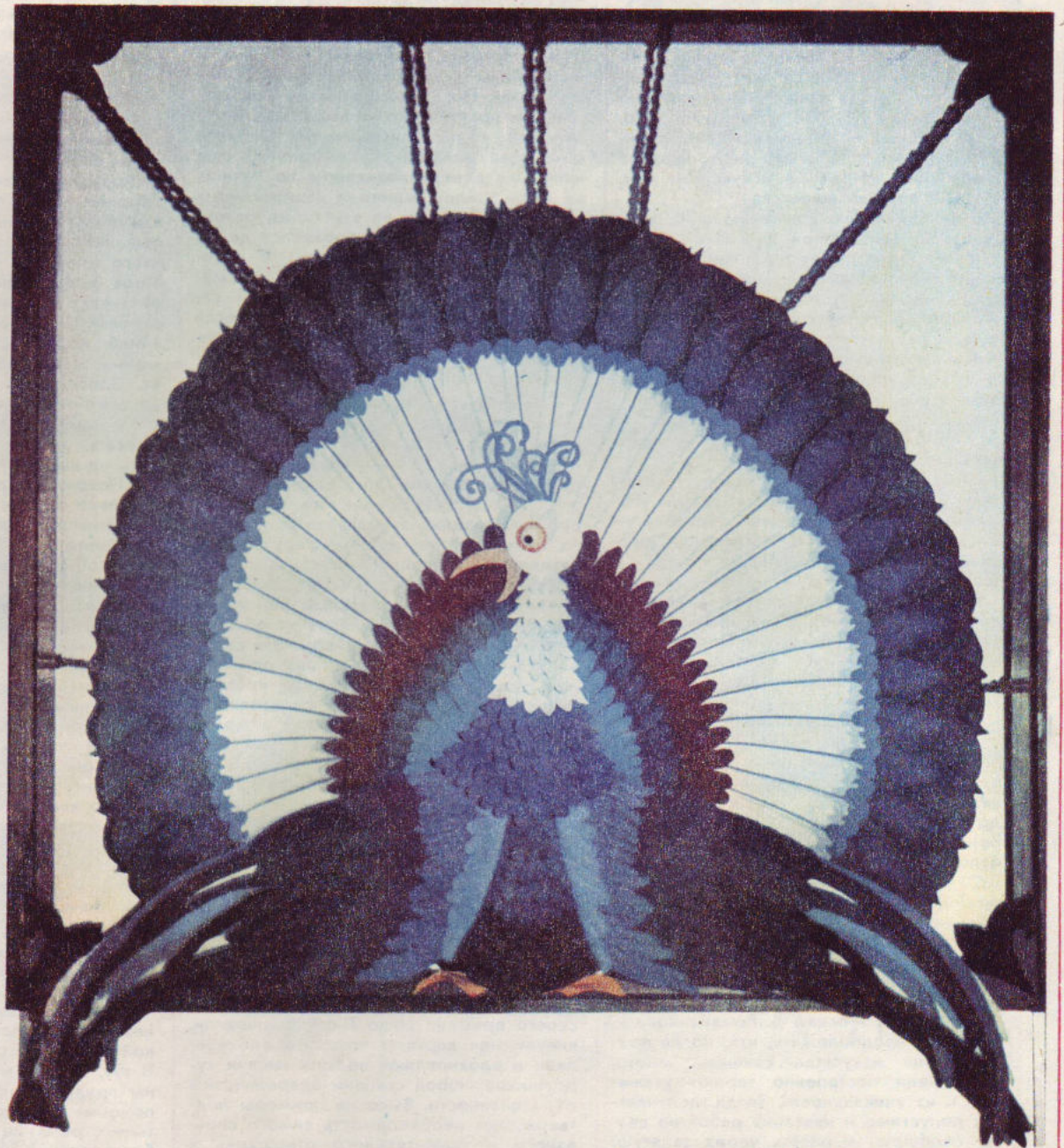
Однако выставка — всегда еще и праздник. Значит, естествен здесь карнавал — потому и хочется зрителю примерить на себя необычную маску. Увы, такими сюрпризами наш «смотр народных талантов» не изобилдовал. А может, теперь нам и нужны вовсе не «смотри», где мы, словно генералы, движемся вдоль строя «талантов» — «равнение на ср-едину!»? Может, нам нужно что-то иное, более соответствующее духу времени? Только вот что?.. Современного зрителя определенно не вдохновляют застылость и чопорность. Ему необходимо активное взаимодействие с экспозиционной средой — своего рода хоровод, спектакль. Необходима возможность насыщенного и разнообразного времяпрепровождения на выставке. Приятно, конечно, под руководством мастера взять в руки инструмент, ощутить его тяжесть и сопротивление материала. Но почему бы после того не посмотреть фильм, раскрывающий секреты ремесла? Аудиовизуальная техника у нас на выставках, к сожалению, пока не используется (пробывание в «каменном веке» явно затянулось!), так ведь и лекций искусствоведов о народном искусстве там не услышишь... Кроме экспромтного контакта «зритель — мастер», наверное, хорошо было бы на время выставки создать условия и для регулярных занятий «школ народных ремесел». Для этого, правда, понадобятся оборудованные мастерские, не предусмотренные проектами существующих выставочных залов. Значит, пора задуматься о строительстве стационарных выставочных комплексов...

Итак, помечтаем. У входа в помещение мы знакомимся с программой выставочного дня и, планируя время, которое собираемся здесь провести, намечаем просмотр моделей одежды под девизом «Фольклор и современная мода», визит на лекцию-дегустацию «Рецепты народной кухни», посещение игровой площадки, где можно принять участие в играх народов СССР... А еще, оказывается, можно пойти на концерт тувинского мастера горлового пения, послушать, как звучит туркменский «дилитюдок», побывать на спектакле фольклорного театра, просто от души сплясать кадрили под музыку эстонского «деревенского» оркестра и даже поучиться у мастерицы varejki вязать...

Не скажешь, что ничего этого на Всесоюзной выставке не было — кое-что было. Но такими редкими вкраплениями при полном отсутствии режиссуры (соединения разрозненных показов и выступлений в единый «спектакль»), что после посещения выставки долго не покидало ощущение ее холодности, безразличия к зрителю. Да, как видно, вы-

Б. СОКОЛОВСКИЙ,
маш спец. корр.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

«Популай». Текстиль.
комбинированная техника.
А. Уцеховская (РСФСР, г. Свердловск)

Национальные ленты. Ткачество.
(Литовская ССР)

рисовывается новая задача — режиссура выставочной деятельности (попытки ее решения активно предпринимались последние год-два, и кое-какие находки уже описаны в прессе), а следовательно, есть необходимость в необычной пока фигуре — режиссере выставки. Однако это отдельный разговор. Надеюсь, он будет продолжен — такова потребность времени.

... Оказывается, черную краску делают из наростов на абрикосовом дереве, красную — из корней травы роаян, а штампы («калибы») вырезают из твердой древесины орехового дерева. То поведели мне участники экспозиции на ВДНХ — братья Шукур и Азим Саидовы, мастера набойки на ткани из легендар-

ного Ура-Тюбе, что в Таджикистане. Удивительное, редкое и очень древнее искусство, о котором еще в V веке до н. э. писал Геродот: «В тамошних лесах есть и деревья, покрытые листьями такого рода, что их растирают, смешивают с водой и этим составом рисуют себе на одеждах узоры: эти узоры не смываются и стираются вместе с материей, как бы вытканные с самого начала». (Геродот, правда, имел в виду Кавказ, но география здесь не имеет значения.)

Шукуру семнадцать лет, Азиму — двадцать два. Они поразительно юны рядом с тысячелетней глубиной, в которую уходит нить фольклорной традиции. И это хорошо.

искусству небезразлично, где и как жить. Его в принципе нельзя воспринимать «навалом» и в любом соседстве. Его созданиям нужны воздух, свет, пространство, предназначено именно для него. И мы, зрители, должны это знать, заранее предвкушая встречу с искусством там, где ему хорошо живется.

Я не подвергаю сомнению факт избытка на Всесоюзной выставке неподдельных богатств, предложенных, как сказано в рекламе, «самодеятельными художниками, мастерами-умельцами и членами любительских объединений». Но как раз из-за избытка их и нужно не только тщательно отбирать, но и тщательно экспонировать, воздавая не риторическое, а действительное уважение, как любим мы говорить, «щедрой, через край, искренностью» и прочим замечательным качествам.

— В чем, собственно, дело? — спросили бы, наверное, побывавшие на выставке многочисленные зрители. — Выставлено культурно, аккуратно. Организаторы старались показать все и всех...

А в том, что большое количество видов и жанров, пестрая избыточная природа самодеятельного творчества требуют предельно четкого выявления структуры экспонирования. Понимаю, что в условиях огромного, неприспособленного для показа произведений изобразительного искусства павильона такую задачу решить трудно. И тем не менее вряд ли стоило одного автора показывать в нескольких, иногда удаленных друг от друга частях экспозиции. Особенно обидно, если поступают так по отношению к яркому и цельному мастеру, каким, несомненно, является, например, Елена Волкова. Ее праздничные небольшие холсты почему-то оказались в трех разных местах. Та же судьба неоправданного расчленения постигла виртуозный по исполнению графический триптих «Человек» рабочего-строителя из Москвы В. Романенкова... Остается предположить, что, когда произведений искусства слишком много, организаторы постепанно теряют уважение к их уникальности. Тогда, получается, допустимо и названия работ не везде сообщать, и писать через запятую: «Память», липа, резьба по дереву».

«Мелочи...» — скажет зритель, влюбленный в доброе искусство самодеятельных художников, привычно не задумываясь над тем, что к любительскому творчеству надо относиться предельно внимательно и деликатно, поскольку личность автора-любителя не защищена столь надежно, как личность профессионала, опирающегося на прочную художественную школу, многолетние традиции и выставочный опыт. Ранимость самодеятельного искусства сродни ранимости природы, которая ошибочно кажется нам порой неисчерпаемой и чуть ли не принципиально бесконечной.

Безусловный интерес на выставке представляют произведения, созданные в 30-е и последующие годы, собранные в фондах ЗНУИ. Мы вновь увидели загадочные, фантастические композиции П. Леонова — «Русские путешественники над Африканским континентом», «Цирк», «Автопортрет», прекрасно пе-

редающий поэтичность и чистоту видения природы; хорошо известные ныне многим любителям изобразительного искусства работы пёчника из Кемеровской области И. Селиванова, чьи симметричные фронтальные композиции («Автопортрет», «Корова») написаны и нарисованы с внутренней строгостью и простотой. Но, к сожалению, в экспозиции они практически не выделены. В результате только искушенный зритель опознавал «классику» самодеятельного искусства в неравнозначном по качеству море стилей, манер и национальных школ. Быть может, во всеобщем равенстве и перемешивании проявился демократизм выставки? Не думаю. В крупных экспозициях профессиональных мастеров ретроспективные отделы и самые значительные произведения всегда экспонируются особенно тщательно, заслуженно пользуясь «режимом наибольшего благоприятствования».

Рассматривая лучшие работы ретроспективного раздела, понимаешь, что самодеятельное искусство так же прочно связано со своим временем, как и профессиональное. Небольшие композиции «Молодое поколение» В. Андреева и «Праздник в колхозе» З. Ахерьяна переносят нас в атмосферу первых пятилеток, заставляя вспомнить произведения мастеров РОСТА, динамику, приподнятый эмоциональный фон искусства тех лет без разделения на общества и индивидуальные манеры. Эти самодеятельные авторы наверняка ориентировались на уровень искусства, которое их окружало, так же, как сегодняшние художники-любители, живущие в Армении или Латвии, сознательно или бессознательно опираются на увиденное в произведениях крупнейших современных художников.

«Вот и подтверждение, что все самодеятельное вторично и не играет ведущей роли в современном художественном процессе», — подумает читатель. Опровергну сомнения, опять-таки апеллируя к «классике» самодеятельного творчества, она по своему художественному значению ни в чем не уступает лучшим творениям признанных мастеров. Так же, как не уступал искусство своего времени Нико Пиросманишвили, «неученые» картины которого вдохновляли и вдохновляют поныне тысячи художников любой степени одаренности и образованности. Высокие примеры подтверждают необходимость самого серьезного и уважительного отношения к творчеству «художников из народа».

Однако таких, как Селиванов, Леонов, — единицы. Следовательно, в массе самодеятельное искусство все же вторично? Не будем спешить с внешне логичным и малоутешительным выводом. Общий эмоциональный тонус живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного творчества на выставке очень высок. Яркие, насыщенные краски преобладают даже тогда, когда изображается трагическое. Вот, видимо, еще одна из определяющих черт самодеятельного и, шире, народного искусства. Рассматривая картину В. Бошнякова «В. И. Чапаев в штабе Уральского фронта», вряд ли кто из зрителей откажет художнику в непосредственности и чистоте взгляда на события далеких лет. Или работа А. Крохалева «Буренка отелась». Уверен, немало профессионалов хотели бы писать так же тонко и поэтично, как этот ветеран труда из далекого Усть-Каменогорска. Мастерски

владеет языком построения пластического образа домохозяйки из Риги Л. Рускуле, чей декоративный холст «Мать с ребенком» занял бы достойное место на любой выставке... Жаль только, что самое примечательное в экспозиции прочитывается с трудом.

Отмечу, что грамотный показ не только выявляет достоинства, но и не позволяет укрыться недостаткам, которые в ситуации выставочного хаоса и случайного соседства, свойственных данной экспозиции, практически неразличимы. Впрочем, бросается в глаза избыток старательно переданных деталей и деталей, пестиков и тычинок натуралистического удвоения природы и иных вариантов подробнейшего отражения материального человеческого бытия, что в отдельных случаях выглядит мило, невинно, но в массе, увеличенной всеобщим масштабам, неизменно подавляет. Здесь, если угодно, выявлен один из критериев отличия искусства от того, что к нему не относится. Остается недоумевать, по какому принципу отбирались на выставку подобного рода работы. Похоже, организаторы в некоторых из них явно ценили то, что зовется словом «тематика». Например, картина молодого оформителя Т. Полозкова «Посол мира» — облепленное, поверхностное и откровенно спекулятивное произведение, повторяющее худшие стороны профессионализма. Улыбающаяся миловидная Катя Лычева и ее американская сверстница Саманта Смит, условно разделенные земным шаром с восседающим на нем белым голубем. Зрителю представлен попросту плохой по цвету, перегруженный по композиции и далекий от какой бы то ни было «самодеятельной искренности» плакат. То же сказал бы и о тяжелой для восприятия скульптурной композиции В. Бучина «Воспоминание», вырубленной из огромного древесного ствола, показывающей эпизод партизанского движения времен Великой Отечественной войны.

Кроме, условно говоря, «официальных» произведений, немало было на выставке и слащавых стилизаций под так называемый «салон XIX века» — под Куинджи, Айвазовского. Сентиментальная сладость послужила как бы оборотной стороной «суровой официальности». И тут, в который уж раз, мы вынуждены признать, что любые спекулятивные подвиги и камерные сладкие контрасты — отражение реальных проблем и благополучия нашего искусства и художественного образования в целом. Нетрудно заметить, что и в республиканских отделах выставки качество работ неравноценно.

Самодеятельным мастерам чужда «производственная текучка» организаций Художественного фонда. Большинство из них работают много и самозабвенно, исключительно по внутреннему побуждению.

Будем же одновременно добры, внимательны и требовательны не только к тому, что признано и имеет профессиональный статус. Обилие хороших и средних произведений на одной из самых крупных выставок самодеятельного творчества последних лет обязывает всех нас серьезно задуматься о его проблемах, не подменяя их бодрими и беглыми рассуждениями о, как привыкли мы говорить, «бесконечном множестве увлечений», выдумке, творческой энергии и иных «радугах», которые нельзя пересказать.

В. МЕЙЛАНД,
искусствовед

Самодеятельность, личность, искусство

Г. Апоян. «У колодца». Армянская ССР

Ковер. Холст, клеевые краски.
Ф. Суховило (Белорусская ССР, Витебская обл.)

От редакции

Закрылась выставка. Но тот богатейший материал, который представила она на суд публики, долго еще будет предметом исследования искусствоведов, работников научно-методических центров, Межсоюзных домов самодеятельного творчества, журналистов.

На страницах нашего журнала мы еще не раз вернемся к беседам о творчестве художников и мастеров, с которыми мы познакомились на этом замечательном празднике искусства.

мя Джорджа Гершвина давно уже относится к плеяде выдающихся композиторов XX века. Автор множества песен, музыкальных комедий, знаменитой «Рапсодии в блюзовых тонах» и других симфонических партитур, он завершил свой недолгий жизненный путь монументальной оперой «Порги и Бесс», впервые поставленной в Бостоне 30 сентября 1935 года. «Народная опера для театра с драмой, юмором, песней и танцем» — так определил жанр своего произведения автор. И сразу же оказалось, что произведение это, прекрасное само по себе, является для эстрадной и джазовой музыки неисчерпаемой кладовой мелодий, тем для импровизаций.

В 1939 году негритянский кларнетист и саксофонист Сидней Беше впервые записывает на пластинку знаменитую

уже к тому времени «Колыбельную». И с этого момента начинается как бы вторая — джазовая — история оперы Гершвина. Певцы, певицы, трубачи, саксофонисты, пианисты, малые и большие ансамбли — все используют материал оперы, все играют импровизации на самые различные темы и эпизоды из «Порги и Бесс». Однако переломным можно назвать 1957 год, когда была осуществлена запись первой джазовой интерпретации оперы Гершвина целиком.

Идея этой записи принадлежала импресарию Норману Гранцу. Он же высказал мысль ограничить число певцов, которым будет поручен весь вокальный материал оперы, всего двумя исполнителями. Но какими — Эллой Фицджеральд и Луи Армстронгом! Этот дуэт уже существовал к тому времени несколько лет, выпустил ряд пластинок. Но работа такого калибра была в их творчестве первой... Им предстояло интерпретировать почти полное оперное либретто с хорами, ариями, дуэтами,

разного рода лирическими и комическими сценками.

Оказалось, впрочем, что и Элла и Луи идеально подходят к оперным амплуа — певице помогла многолетняя эстрадная практика, Армстронгу — опыт работы в мюзиклах и кино. Работая со словом, они превосходно дополняли друг друга, причем Армстронг от времени до времени подключает еще и свою трубу, продолжая вокальные интонации весьма схожими инструментальными. Так хорошо известная вам «Колыбельная» («Летний день») начинается с соло Армстронга на трубе, затем Элла Фицджеральд поет, строго следуя партитуре Гершвина, вслед за чем Армстронг поет те же самые слова, но уже в джазовой, собственной ему одному манере. Заканчивается номер дуэтом, в котором певица поет со словами, но свободно импровизируя мелодию, в то время как Армстронг вторит ей «скэтом» (слоговой импровизацией).

Если «Колыбельная» в оригинале написана только для женского голоса, то любовный дуэт Порги и Бесс «Бесс, ты теперь моя жена», естественно, предусматривает участие двух исполнителей. Это дуэт контрастов — наивный чудак, мечтатель Порги и прошедшая горькую, быть может, даже циничную школу столичной жизни Бесс. Гершвин гениально сочетает в этом дуэте кантилену и речитатив, причем комизм негритянского диалекта с его не очень грамотными, с точки зрения школьных правил английского языка, выражениями полностью «снимается» глубокой лирической проникновенностью музыки.

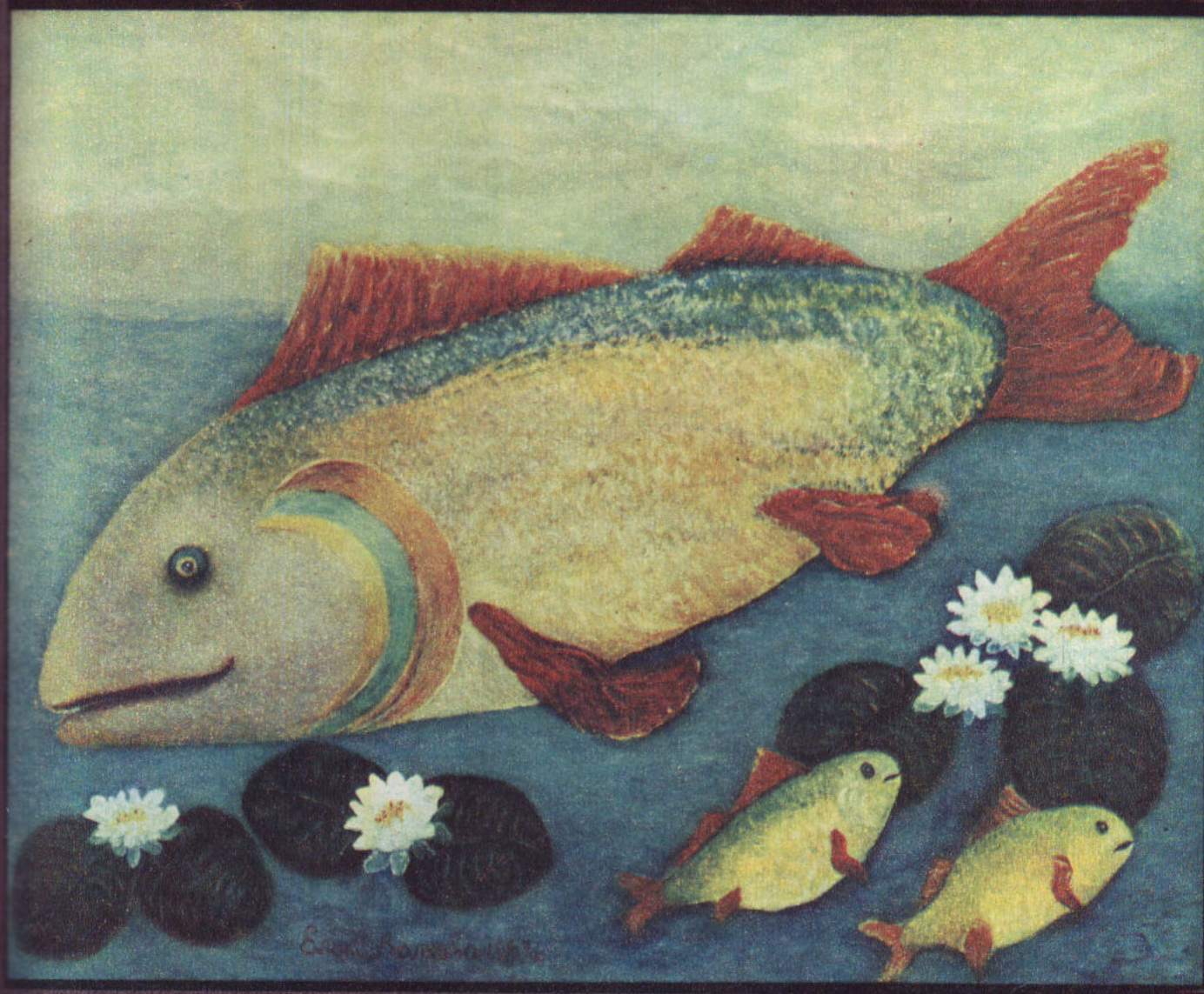
В версии 1957 года встречаешь немало, на первый взгляд, странных решений. Скажем, гротескно-издевательские куплеты Спортин Лайфа «А, может быть, все было и не так?», исполняет не Армстронг, а Элла. Армстронг же один исполняет хоровой (в партитуре оперы) номер «Иногда и женщина — вещь», скороговоркой проговаривая текст и «досказывая» остальное своей импровизацией на трубе...

«Порги и Бесс» в исполнении дуэта Элла и Луи оказались удачным, но далеко не последним экспериментом с оперой Гершвина. В 1958 году, то есть всего год спустя, два выдающихся джазовых музыканта — трубач Майлс Дэвис и аранжировщик Гил Эванс — предлагают свой вариант в виде сюиты для трубы с оркестром. А вокальное трио «Ламберт Хендрик Росс» перекладывает несколько лет спустя аранжировку Гила Эванса «в обратную сторону» — снова для голосов. Появляются и другие интерпретации оперы — джазовыми дуэтами Сэмми Дэвис — Кармен Макрэй, Гарри Беллафонте — Лина Хорн, оперным дуэтом Уильям Уорфилд — Леонтина Прайс. В конце 70-х годов оперу записал еще один дуэт — британская джазовая певица Клео Лейн и выдающийся американский исполнитель Рэй Чарльз. В общем, идея все новых интерпретаций шедевра Гершвина и сегодня вдохновляет музыкантов, хотя, на мой взгляд, вряд ли когда-либо удастся превзойти то, что создали Элла Фицджеральд и Луи Армстронг.

НА ВКЛАДАХ
Музыковед
НОМЕРА

ВЫСТАВКА ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Золотая рыбка в голубой реке. Сказочная, несмотря на скромный размер холста, — огромная, колышущая ярко-красными плавниками... Она wpłyвает в наше сознание не гостьей из реального мира, а воспоминанием обо всех аквариумах детства, привольной деревенской рыбалке. Плывет она, несомненно, из заповедных рек и озер народного искусства, из той чистой заводи, которую нарекли не слишком удачным словом «примитив», неизбежно ассоциирующимся с чем-то упрощенным, неполноценным, то есть примитивно устроенным. Между тем отливающая драгоценной чешуей красавица Рыба-Царица с двумя маленькими «рифлюющимися» рыбками-родственницами, наслаждающимися обществом друг друга и соседством с белыми кувшинками, не нуждается в снисходительности знатоков искусства. «Золотая рыбка», созданная доброй фантазией художника Елены Волковой, сама способна одаривать. Одаривать тех, кто не отгородился от мира стеной холодного профессионализма, кто способен радоваться чистой музыке цвета и вообще открыт для праздничного творчества, которое живет в душе каждого человека независимо от степени образованности и возраста.

Цельно и образно видит мир Елена Волкова. Она не допускает никакого излишнего дробления и обременительной детализации. Именно в этой способности видеть главное, не отвлекаясь на частности, и заключается секрет выразительности «Золотой рыбки», как, впрочем, и многих других произведений художника. Попытаемся проследить принцип композици-

онного и цветового построения картины Волковой.

Большая рыба пересекает холст почти строго по диагонали, деля его на две части. В верхней — небо с натурально написанной облачной гущей, в нижней — маленькие рыбки и кувшинки, белизна которых усилена темно-зеленым фоном круглых листьев. Композиционно условное и натуральное совмещено: большая и маленькие рыбки изображены сбоку, кувшинки — сверху, и все они находятся как бы в воде и над водой сразу. Такое свободное изображение можно встретить разве что в детских рисунках или в искусстве изощренных мастеров: от древних иконописцев до авангардистов нашего столетия. В данном случае свобода оказалась естественным наследственным даром, который дается без каких бы то ни было многолетних усилий по усвоению строгих правил той или иной системы изображения.

Цвет всюду взят уверенно, сильно, опять-таки без суетливого дробления, ослабляющего звучность колорита. Но не скажешь, что он излишне упрощен и уплощен. Золотисто-розовые и зелено-голубые переливы на боках рыб наделяют картину особой радужностью. В самом прикосновении кисти к холсту сказывается эмоциональность автора. Нигде нет равнодушно-ровного закрашивания, заполнения. Цвет всюду вибрирует, дышит, меняется, неся в себе световое начало. Такую картину мог написать только счастливый человек. От нее веет радостью. Если произведение Елены Волковой повесить в любой, даже самой скучной и казенной комнате, то эмоциональный климат там непременно начнет меняться — люди станут чаще улыбаться друг другу...

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ...

В конце лета на улицах Москвы многим случалось увидеть вереницу антикварных авто. Блестя лакированными крыльями, шурша шинами, мимо изумленных зрителей проплывали «Паккард», «Вандерер», легендарная «Альфа-Ромео». Рекламный пробег клуба «следопытов» «автомобилестарин» звал на заключительную выставку Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, на ВДНХ, в «монреальский» павильон. А как быть тем, кто пропустил, прослушал, прозевал, проглядел и «не побывал»? Выход один — пройти сейчас вместе с нами третьим этажом выставки (минуя первый этаж с картинами и второй — с произведениями мастеров-умельцев: о них в нашем журнале пойдет разговор отдельный), где впервые представлены всевозможные экспонаты любительских объединений и клубов по интересам.

Здесь есть от чего глазам разбежаться! Везде: на стендах, подиумах, в витринах, на микроскопной подставке стоят, висят, лежат, а порой даже парят в воздухе десятки тысяч экспонатов!

Сверкают надраенными боками самовары актрисы Г. Журавлевой (г. Кострома), переливаются всеми цветами радуги экзотические бабочки из коллекции заместителя директора ДК «Химик» О. Легезина (г. Калининград, Таджикская ССР) и ничуть не уступают им бабочки А. Соколова (Ленинградская обл., Таджикская ССР) — с той лишь разницей, что выточены они преискусно из... камней.

Над матовыми дисками «Пишущего Амура» и колокольчиками граммофонов парят легчайшие шляпки современной «модистки» — преподавательницы английского языка Краснодарского техникума советской торговли Надежды Чижовой.

На стендах — кроме привычных марок, менее привычных открыток, этикеток, значков, медалей, экслибрисов, карикатур, еще и... конверты бритвенных лезвий, товарные ярлыки, вымпелы и даже... форменные пуговицы, собрание которых естественно привело Б. Митасова в московский клуб оригинального коллекционирования «Раритет», открытый, кстати, недавно, в ходе фестиваля.

А вот в одной из витрин матово поблескивает «ветеран» — фамильная коллекция писчих перьев. Участник выставки В. Телешов представляет собой уже четвертое поколение семьи коллекционеров. Основатель династии — его прадед, известный писатель Николай

Дмитриевич Телешов начал коллекцию, когда перьями писали все. Сейчас перьями не пишет никто. Но разве это умаляет значение уникальной коллекции? Напротив...

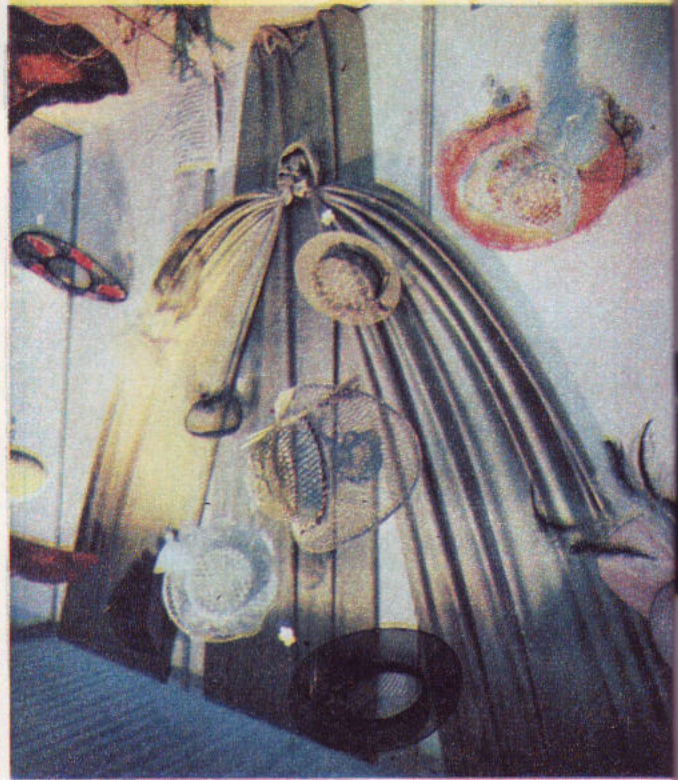
Бросим взгляд на коллективную коллекцию «90 лет русского автомобиля» московского клуба любителей масштабных моделей. Кибернетик из Киева Шамиль Сабитов отыскал редкостную фотографию и вместе с московскими и алма-атинскими коллегами восстановил облик первого русского автомобиля Яковлева, который в 1896 году выставлялся на Нижегородской ярмарке и был вскоре благополучно забыт царским правительством. Не восстановили любители «первенца», так бы и не знали его «в лицо» потомки.

Предметную, зримую связь времен осуществляют коллекционеры, сохраняя для нас и наших потомков овеянные временем приметы времени (подсвечники, карандаши, спички, лупы, облигации, тусса, колокольцы и т. д.) и неожиданные художественные ценности, на которые прежде не обращали внимания. (Кто, к примеру, может представить себе, что бумажные деньги — бонусы — могут быть такими красивыми! Голубые, розовые, черные с виньетками, батальными и историческими сценками, портретами Дмитрия Донского, Петра I, Ермака. Подлинные произведения искусства безымянных русских художников!)

Благодаря усилиям энтузиастов историю, века, эпохи, страны можно не только ощутить, понять — прикоснуться сердцем и восторжествовать (видя, допустим, открытки блокадного, голодающего, но не сломленного духом Ленинграда), удивиться: оказывается — «И спички боролись за Победу!» (именно так названа коллекция спичечных этикеток Э. Байковича г. Киров), или улыбнуться над забавной Матрешкой — девочкой в платочке и сарафане, изготовленной учеником В. Поленова — С. Малютиным — первой русской матрешкой (из коллекции пенсионерки И. Трифоновой).

Много сенсаций и открытий можно было сделать на самой выставке. Допустим, легендарным считался билет в миллион фунтов стерлингов, о котором поведал рассказ Марка Твена в 1893 году. Но, оказывается, во-первых, такие билеты (два рукописных экземпляра) были действительно изготовлены в Англии в XVIII веке и использовались для внутрибанковского расчета, а во-вторых, девальвация денег времен гражданской войны привела к появлению отечественной купюры достоинством в десять... миллиардов рублей.

На этой выставке убеждаешься, что у наших коллек-

Н. Чижова. Коллекция шляпок. (Краснодар)

Т. Матвеева. Коллекция головоломок. (Московская обл.)

В. Лихачев. Коллекция патефонов и грампластинок. (Москва)

ционеров и любителей есть все. От самых «богатых» экспонатов, вроде миллионных купюр, до самых «бедных» — крестьянских лаптей и туесов. От самых крупных — полного рыцарского доспеха до самых мельчайших, которые и разглядывать надо в прямом смысле слова через микроскоп.

Выставка во многом развенчивает и удобный миф нерасторопных культурных организаторов о том, что в провинции-де трудно создать оригинальный клуб по интересам. Назовем лишь несколько участников выставки, вокруг которых хоть сейчас можно создавать клубы. Уникальную коллекцию букварей и азбук всех стран и народов, начиная с XIV века, собрал учитель Ю. Цибулис из поселка Тьяжа Латвийской ССР. Полузабытую старинную гуцульскую восковую роспись по яичной скорлупе восстановил журналист Д. Пожоджик из села Космач Ивано-Франковской области. Заняты портреты животных из пуха Ю. Шевченко из г. Миргорода.

На глазах у зрителей плел туеса художник-оформитель из г. Маринска Кемеровской области В. Томилин-Кривоногов. А часовой мастер М. Маслюк — один из четырех отечественных микроминиатюристов — тоже привез свои крохотные работы не из республиканского или областного центра, а из Жмеринки...

Впрочем, для всех, кто не равнодушен к проблемам любительских клубов, устроители этого раздела выставки провели дни увлечений на ВДНХ, точнее, пятidineвки, во время которых приезжие энтузиасты (фалеристы, календаристы, нумизматы, филокартисты) слушали лекции, проводили встречи и «круглые столы», обсуждали перспективы развития своих коллекционных жанров.

Это тоже своего рода примета времени. Всесоюзная выставка не только отражала свершения Великого Октября, не только демонстрировала достижения советского любительства, но и работала: укрепляли связи любители между собой, поднимали проблемы, решали организационные и материальные вопросы.

Были ли просчеты? А как же! Далеко не все представленные коллекции оказались действительно лучшими в стране. Мы не увидели раковин прославленных конхиломанов: кишиневского поэта Р. Ольшевского, вильнюсского мастера по янтарю Ю. Чирикаса, клайпедского лощмана Ф. Римкявичуса, удивительных микроминиатюр киевского агронома Н. Сядристого, ереванского скрипача Э. Тер-Казаряна, оренбуржца Н. Доцковского, самоваров ленинградского тренера А. Лобанова, тульского школьного завуча Я. Басина, разнообразнейших подсвечников и керасиновых ламп саратовского архитектора Н. Иванова и многих других признанных авторитетов, основателей общественных и государственных музеев, лауреатов международных выставок, к экспонатам которых, как к самой миниатюрной в мире книге «Кобзарь» на выставке в Париже, «не успевали менять ковровые дорожки, ведущие к микроскопу с книгой, так ее изнашивали сотни любопытных», желающих увидеть книгу Н. Сядристого.

Очевидно, в будущем, чтобы на итоговую Всесоюзную выставку попадало действительно самое лучшее из мира наших увлечений — нужна гораздо большая организационно-рекламная поэтапная работа на местах: вначале в районах, затем в областях и республиках. Дух состязания, конкурентности добавит престижа, весомости медалям подобных выставок.

Н. Гнатюк
Фото В. Грановского 31

СЕЛО- ЛЮБОВЬ МОЯ

Р. КРУПНОВ

На фотографии Сергея Мальгавко я обратил внимание задолго до того, как встретился с самим автором. В его работах подкупали не только техническая и композиционная отточенность, но и приверженность одной теме — селу, его людям, их делам и проблемам. Воображение рисовало вполне сложившегося, умудренного солидным жизненным опытом автора. А когда встретились, то мне пришлось удивиться: Сергей оказался вчерашним выпускником Московского института культуры.

Еще студентом он попросился на преддипломную практику в деревню и получил назначение в районный центр Тара Омской области (кстати, это родина артиста Михаила Ульянова). За время практики Сергею Мальгавко удалось не только детально ознакомиться со специфическими условиями сельской художественной самодеятельности, но и организовать при районном Доме культуры фотостудию. Вот почему по окончании института перед Мальгавко не стоял вопрос о распределении — комиссия учла просьбу молодого специалиста и направила его в Тарский районный Дом культуры руководителем любительской фотостудии.

Коллектив, руководимый С. Мальгавко, на начальном этапе своей деятельности по форме и по существу являлся самодеятельным кружком, где участники рассчитывали только на свои силы и создавали все своими руками. Они сразу заявили о себе тем, что на улицах появились фотостенды, на которых отражалась жизнь и дела людей районного центра. И это явилось веским аргументом социальной пользы и жизнеспособности недавно созданного коллектива.

В студию потянулись взрослые и дети, а за ними и те, кто прослышал, что там интересно можно провести вечер. С. Мальгавко увлекательно рассказывал о творчестве советских и зарубежных фотомастеров, историю создания лучших произведений. Двери студии всегда широко открыты для всех желающих. Здесь не только обучали фотоделу, но и с помощью фотографии развлекали, воспитывали участников встреч, делали их духовную жизнь богаче и интереснее.

На районной партийной конференции отметили деятельность фотостудии как одну из эффективных форм организации досуга жителей районного центра, и прежде всего молодежи. Был поднят вопрос о предоставлении фотостудии специального помещения и выделении средств для приобретения необходимого инвентаря.

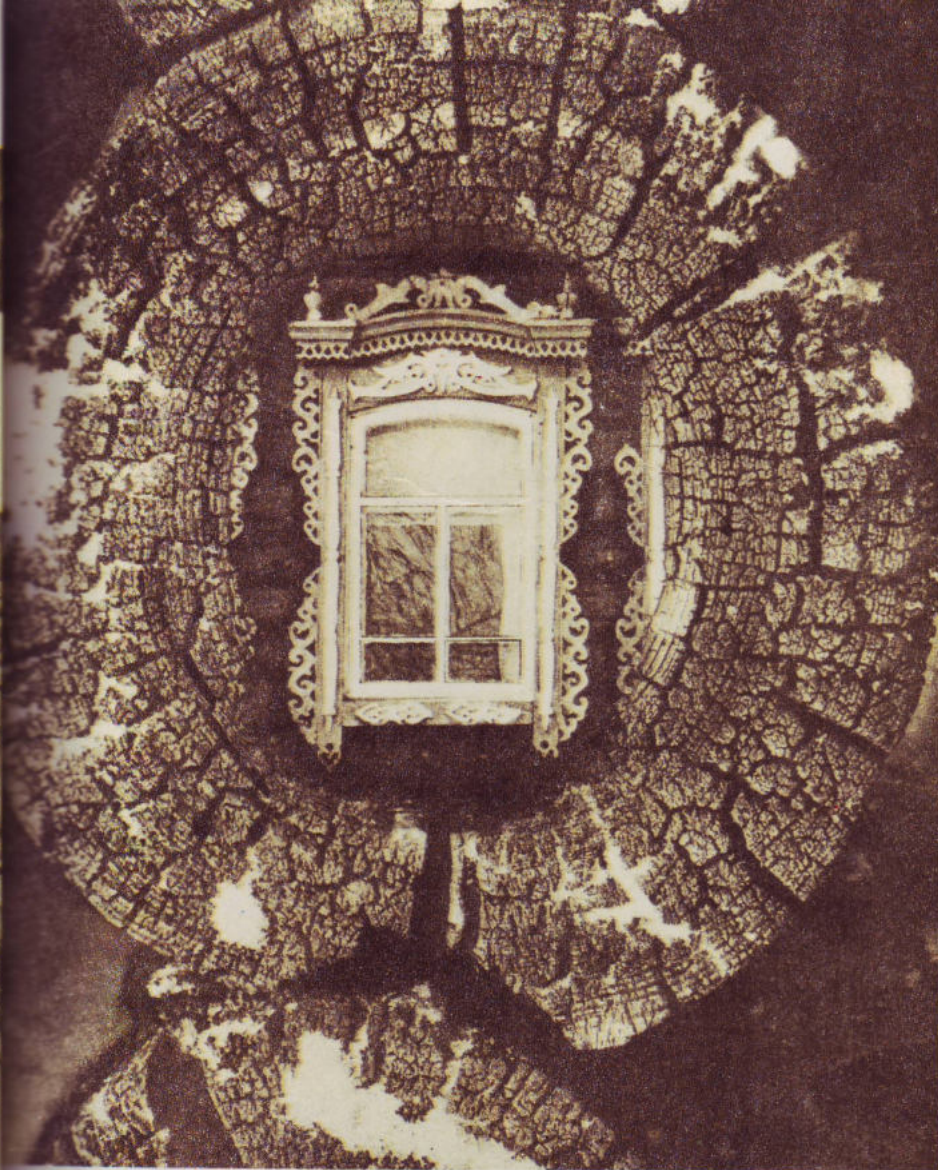
Многогранная общественная деятельность студии способствовала ее творче-

скому росту. Коллектив стал занимать призовые места на областных фотовыставках, о нем появились публикации в областной газете, ему посвятили специальную телепередачу по местному телевидению. Пример творческой инициативы показывал своим ученикам сам руководитель. Его снимки экспонировались в Москве и были отмечены медалью ВДНХ СССР. И воспитанники учились у него требовательности, неодолимому стремлению к самосовершенствованию. Для них характерна этюдность в освоении изобразительного языка со-

временного фотоискусства. Сергею с первых шагов работы коллектива удалось привить любителям стремление не только к получению технически совершенного фотоизображения, но и не упустить в кадре все важное, любопытное, типичное в жизни.

С появлением в Таре любительской фотостудии на страницах областной газеты «Омская правда» стали публиковаться снимки любителей, отражающие жизнь и дела района. И как результат связи областной газеты с фотостудией явилось высокое доверие к творчеству

«Деревянные узоры»

«Посиделки»

ею с
а уда
ние не
совер
не упу
тное,

льской
ой га-
блико
ающие
ультат
тудией
честву

участников коллектива — ни один фото-корреспондент за минувший год не направлялся с заданием в этот район. Любительские снимки по своему качеству не уступали профессиональным.

У читателя может возникнуть впечатление о том, что в Таре у фотолюбителей сложились идеальные условия для их успешной деятельности. Руководителю коллектива, мол, оставалось лишь организационно оформить то, что уже само сложилось... Но это далеко не так. Вот что вспоминает о первых шагах своего коллектива С. Мальгавко.

— У фотолюбителей не было ни опыта самостоятельной работы, ни даже четкого представления о возможностях современной фотографии, ее роли в обществе. Пришлось все начинать с нуля не только с детьми, но и со взрослыми. Однако уж так повелось: в студии всегда было чем-то интересно и потомулюдно. Многие земляки просто шли к нам на «огонек». Говорили не только о фотографии, но и о новых приметах жизни на селе, о проблемах перестройки, обо всем, что людей интересовало и волновало. Вот почему было бы не совсем верно говорить, что студия решала лишь чисто фотографические задачи. Точнее сказать — с помощью фотографии мы стремились решать многие жизненные вопросы, формируя мировоззренческую позицию участников, без которой невозможно создать полноцветное произведение современного фотоискусства. Так у нас постепенно отбирался коллектив из неравнодушных, социально активных людей, для которых занятие фотографией было не столько целью, сколько средством их образного отношения к действительности.

А от себя добавлю: решающую роль в идейно-художественном становлении коллектива сыграли личность руководителя, его убежденность и высокое творческое мастерство, дающее любителям вдохновляющий пример веры в те цели, которые он ставил перед коллективом. Не сторонним наблюдателем присутствует автор в тех житейских ситуациях, которые он снимает. Помнится, одной из первых фотографий, привлечших зрительское внимание на творчество мало кому известного в то время студента С. Мальгавко, был экспонированный на Всесоюзной выставке фотолюбителей в Москве портретный снимок «Бабка Марья — солдатская вдова». Работа, казалось бы, предельно простая по методу съемки и вместе с тем никого не оставлявшая равнодушным. В чем заключен «секрет» ее успеха? Видимо, в неподдельной искренности и участии автора к судьбе человека, запечатленного на снимке. Да и для нее, бабки Марьи, Сергей Мальгавко не фотограф, а один из многих хорошо ей знакомых жителей села.

Прежде чем приступить к работе, Сергей подолгу беседует со своими героями о жизни, делах. Неторопливо достает свой «Зенит», прицелится через объектив, не прерывая начатой беседы, делает два-три кадра. Именно здесь следует искать ту удивительную достоверность раскрытия характера героев.

Когда материал был готов к публикации, из оргкомитета по проведению Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества пришло сообщение, что С. Мальгавко вновь отмечен наградой ВДНХ СССР.

Омская область

1 (727)
ЯНВАРЬ
1988

Читайте слушайте

Студия социального эксперимента

1

Давайте поддерживать
инициативу

2

Время нововведений
Родионов В.,
заведующий отделом НИИ культуры
Министерства культуры РСФСР
и Академии наук СССР

4

Ценность неформальности:
встреча лицом к лицу
Переверзев Л.,
культуролог

6

Мы — действующие лица
современности

8

Доверию — приоритет
Павловский Г.,
член совета
Клуба социальных инициатив

10

Прямая связь

12

Как ты понимаешь выражение
«Радость труда»?
Эрвайс В.

15

Воспоминания о клубе
на Раушской, или О том,
как один инженер взял в руки
сначала саксофон,
а потом перо критика
Петров Арк.

Престиж профессии

18

Входите — дверь открыта
Дзюба В.,
наш спец. корр.

Общественная приемная «КХС»

20

Ступени перестройки
Крамаренко С.,
заведующий отделом культурно-
воспитательной работы ВЦСПС

28

Спрашивайте — отвечаем

Любителям искусства

22

Дмитрий Рябичев:
Выставка — это форма общения

24

Картинки с выставки
Соколовский Б.,
наш спец. корр.

26

Самодельность, личность,
искусство
Мейланд В.,
искусствовед

29

Выставка одного произведения
Вильям М.

30

Они были первыми...
Гнатюк Н.

32

Село — любовь моя
Крупнов Р.

В. Александян —
ювелир-умелец из Еревана